

18+

Ксавье де Монтепен

Бастард

Ксавье де Монтепен

Бастард

«Издательские решения»

Ксавье де Монтепен

Бастард / Ксавье де Монтепен — «Издательские решения»,

Тайна рождения, борьба за наследство, роковая любовь и преступление переплетаются в романе Ксавье де Монтепена «Бастард». Героям предстоит столкнуться с семейными секретами, предательством и жестокими законами общества, где происхождение нередко важнее человеческого достоинства. Динамичная мелодрама с элементами тайны и приключения.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
ЛЮБОВНИЦА ХОЗЯИНА	6
I. Два часа ночи	6
II. Выбор оружия	9
III. Приветствие	12
IV. Клятвы	16
V. Удар шпагой	20
VI. Могилы	24
VII. Комната Маргариты	28
VIII. Украденные документы	32
IX. Предложение	36
X. Двойное объяснение	41
XI. Сюзанна	44
XII. Хижина Сюзанны	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Бастард

Ксавье де Монтепен

Переводчик А. Владимирович

Дизайнер обложки А. Владимирович

© Ксавье де Монтепен, 2026

© А. Владимирович, перевод, 2026

© А. Владимирович, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-0570-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЮБОВНИЦА ХОЗЯИНА

І. Два часа ночи

Пробило два часа ночи. Всё громче раскаты грома, всё ярче вспышки молний — приближалась не просто сильная гроза, а настоящая буря. Тяжелые, гигантские черные тучи, словно боевые кони, мчались по небесной глади, скрывая плотной пеленой лунный свет, мерцание звезд и погружая землю в непроглядную тьму. Временами резкие зигзаги ослепительной молнии прорезали темноту, озаряя величественные контуры замка Везе — старинного, грандиозного поместья, окруженного роскошным парком в двести акров. Замок и парк располагались в самой живописной и пересеченной местности богатой и прекрасной Турени.

В этот замок мы и приглашаем читателей перенестись в ночь на 20 сентября 1820 года.

Повторим, было два часа ночи. Из четырнадцати окон, прорезающих на каждом этаже широкий фасад из тесаного камня, светилося только одно — окно библиотеки. И даже этот слабый свет, пробивавшийся сквозь стекла, мерцал и временами почти исчезал. Так происходило потому, что высокий мужчина, шагавший по комнате, всякий раз, проходя между лампой и окном, заслонял свет.

Этим ночным ходоком был граф Шарль-Анри-Людовик де Везе. Господин де Везе, дворянин старинного рода, в то время ему было около сорока лет, — высокий, стройный, с замечательно изящной осанкой, не мог считаться красавцем, но в нем было нечто неуловимое, что сразу же привлекало и позволяло даже самым неопытным взглядам распознать в нем человека света и знатного господина. Волосы — от природы выющиеся на высоком и гордом лбу — были иссиня-черными. Большие светло-голубые глаза и длинный аристократический нос, своей несколько преувеличенной горбинкой отдаленно напоминавший клюв хищной птицы, составляли отличительные черты костистого, сильно загорелого лица, которому выступающие скулы придавали кельтский тип и надменное, несколько диковатое выражение, характерное для большинства жителей Баца, этой странной деревушки, расположенной по соседству с Круазиком в Бретани.

Сейчас граф был бледен. Сильное напряжение черт лица, нахмуренные брови над сверкающими глазами, свирепое выражение губ — все говорило о том, что он охвачен каким-то сильным волнением. Временами на уголках его губ появлялась неопределенная, почти злоедающая улыбка.

...Мы уже сказали, что он ходил туда-сюда по библиотеке, огромной комнате, окруженной высокими и широкими шкафами, заполненными книгами всех времен и всех форматов.

Костюм графа де Везе вполне соответствовал беспорядочности его походки и выражения лица. На нем была охотничья куртка из зеленого сукна с пуговицами, на которых были изображены головы волков и кабанов. Под курткой — белый пикейный жилет, помятый и расстегнутый, сквозь который виднелась батистовая рубашка с жабо, скрученным, вероятно, судорожной рукой и порванным в нескольких местах. Голова графа была непокрыта. Он был без галстука, и воротник рубашки неровно лежал на охотничьей куртке. Его брюки из индийского нанкина плотно облегли ноги и были заправлены в ботинки, наполовину скрытые гетрами из той же ткани.

Внезапно граф резко остановился. Он наклонил голову и прислушался. До него донесся почти неразличимый, но все же уловимый для его охотничьего уха звук. Похоже было, что

кто-то идет медленно, крадучись, стараясь остаться незамеченным. Граф подождал немного. Затем, убедившись, что не ошибся, быстро подошел к двери.

В тот момент, когда он уже собирался ее открыть, он снова остановился. В дверь снаружи очень легко постучали.

— Войдите! — прошептал граф.

В библиотеку тут же вошел новый персонаж, заслуживающий краткого описания. Это был высокий мужчина, немного старше господина де Везе. Его густые, очень курчавые и некогда неопределенного светлого оттенка волосы уже седели на висках и на макушке. Толстый слой загара делал его лицо с грубыми чертами и грубой кожей смуглым, как у индейца. Густые усы затеняли его верхнюю губу, а рыжевато-коричневая борода покрывала всю нижнюю часть лица. Этот человек вызывал неприязнь с первого взгляда. Пристальное внимание не смягчало, а усиливало это чувство.

В самом деле, взгляд персонажа, которого мы представляем, был одним из тех лживых и уклончивых взглядов, которые редко свидетельствуют о благородных инстинктах и добром нраве. Жюри, состоящее из самых безобидных бюргеров в мире, было бы склонно осудить этого субъекта только по его внешнему виду.

Как только он вошел в библиотеку, он остановился. Левой рукой он почтительно снял свою кепку из кожи. Правой рукой он уперся в пол прикладом короткой винтовки с нарезным стволом. Покрой его зеленой куртки, высокие гетры из некрашеной кожи, поднимающиеся выше колена, — и особенно гербовая пластина, прикрепленная к его левой руке, — указывали на то, что этот персонаж был подчиненным, принадлежащим в качестве егеря к прислуге замка. Эти признаки не были обманчивы.

Новичок закрыл за собой дверь. Затем, поклонившись, он стал ждать, — неподвижно, — молча, — бесстрастно.

— А! — пробормотал господин де Везе, — а! это ты... наконец-то, Кайюэ?..

— Да, господин граф, это я...

— Ты пришел от ворот парка?

— Да, господин граф.

— Значит, ты был на своем посту?..

— Как всегда.

— С какого часа?

— С одиннадцати часов вечера.

— Есть что-нибудь новое?

— Есть.

— А! — воскликнул граф с резкой дрожью и ужасной гримасой на лице.

Но нескольких секунд ему хватило, чтобы полностью овладеть собой. Он продолжил, хотя и менее уверенным голосом:

— Ты видел кого-нибудь?

— Да, господин граф...

— Кого-то, кто входил в парк?

Егерь утвердительно кивнул.

— Украдкой? — продолжал граф.

— Как браконьер или вор.

— И который, однако, не был ни браконьером, ни вором? — пробормотал господин де Везе.

— Ни тем, ни другим, — ответил егерь.

— Ты следил за ним?

— Да, господин граф.

— Докуда?

— До замка.

— Ты знаешь, где он сейчас?..

— Знаю.

— И... это?..

— Он в комнате госпожи графини... — без колебаний ответил тот, кого граф называл Кайюэ.

Господин де Везе вскрикнул от ярости и боли, подобно человеку, пораженному пулей в грудь. Он упал на ближайший стул. Он спрятал свое побледневшее лицо в сжатых руках.

Несколько слез одна за другой потекли между его пальцами. Егерь следил за ним взглядом. Необъяснимо!.. вместо того, чтобы сочувствовать этой острой муке, этому невыразимому отчаянию, Кайюэ, уверенный, что его не видят, горько улыбался. И в улыбке этого человека было что-то странное, пугающее, — глубоко зловещее.

С самого начала диалога, который мы привели, господин де Везе задавал вопросы с видимым отвращением, с явной тревогой. Егерь же, напротив, своими лаконичными и резко обрванными ответами, казалось, намеренно вынуждал своего господина продолжать, удваивать свои вопросы.

Граф поднял голову. Его бледность была еще более мертвенной, чем минуту назад. Он повернулся к егерю.

— Кайюэ?.. — сказал он тихим, прерывистым, почти умоляющим голосом.

— Господин граф? — спросил его собеседник.

— Ты уверен... ты совершенно уверен, что не ошибся?..

— Уверен!...

— А ночь?..

— Какое значение имеет ночь? — у меня хорошее зрение, — и, кроме того, я как волки и лисы, вижу в темноте так же хорошо, как и при свете дня.

— Понятно! — пробормотал граф, разговаривая сам с собой, — невозможно сомневаться!..

Егерь услышал.

— О! невозможно, — повторил он.

— И, скажи мне... этот человек... который тайком проник в парк и в замок... этот человек, который, как ты утверждаешь, сейчас находится в комнате... госпожи графини... ты видел его лицо, Кайюэ?..

— Как вижу ваше...

— И ты узнал это лицо?..

— Конечно.

Господин де Везе встал, — схватил егеря за запястье и сдавленным голосом воскликнул:

— Кто он?..

Кайюэ высвободил свое запястье, которое граф невольно сжимал. Затем он ответил:

— Этот человек — виконт Арман де Вилёдьё.

Это имя, без сомнения, открыло новую рану в истерзанном сердце господина де Везе. В течение двух или трех секунд его искаженные черты лица выражали невыносимую боль.

— Мой близкий друг... почти брат!.. — пробормотал он.

— Ваш близкий друг... — повторил Кайюэ, — почти ваш брат...

Ногти господина де Везе впивались в его грудь. Когда он убрал руку, большое розовое пятно проступило на тонком полотне его рубашки. Но сразу же выражение лица изменилось. Ужасное спокойствие как бы внезапно сменило бурю, которая только что бушевала в его сердце, в его душе и в его голове. Он снова начал задавать вопросы. Но теперь его голос больше не дрожал.

II. Выбор оружия

- Кайюэ, — спросил господин де Везе, — как виконт де Вилёдые проник в парк?
- Через маленькую калитку рядом с охотничьим домиком.
- Но она была заперта?
- Да, и на два оборота.
- Значит, у виконта был ключ?
- Да, раз он вошёл.
- Он был один?
- Не думаю.
- Объяснись.
- В тот момент, когда господин де Вилёдые закрывал за собой калитку, я услышал, как два коня заржали и забили копытами по другую сторону стены.
- То есть, если было две лошади, значит, должен был быть слуга?
- Именно так.
- Верно. — Твои рассуждения логичны, Кайюэ...
- Кайюэ не знал, что означает слово «логичны». Он не ответил.
- Граф продолжил:
- Как только господин де Вилёдые оказался в парке, ты последовал за ним?
- Да, господин граф.
- Что произошло дальше?
- Виконт быстро зашагал по прямой аллее, ведущей к замку. Звук его шагов терялся в грохоте грома. Он был закутан в темный плащ и, двигаясь, почти касался деревьев, так что, если бы не вспышки молний, которые время от времени освещали его, я бы не знал, прошел ли он мимо меня или остался позади...
- А затем?
- Затем он подошёл к левому крылу, — там, где находится дверь потайной лестницы, ведущей в покои графини...
- У него был ключ и от этой двери?
- Нет.
- Тогда что он сделал?
- Он сложил руки рупором и издал слабый протяжный крик, который так походил на крик ночной птицы, что я сначала обманулся...
- А!
- Но этот крик повторился три раза подряд, и я понял, что это господин виконт подаёт сигнал...
- Дальше?
- Окно открылось.
- Какое?
- Среднее окно на большом балконе.
- В темноте я разглядел смутные очертания фигуры, которая, казалось, наклонилась, чтобы что-то увидеть во тьме... Господин де Вилёдые тоже увидел эту фигуру. Он тихо пробормотал: «Да, это я...»
- Что-то зашуршало по стене, разворачиваясь. Господин де Вилёдые рванулся вперёд и в следующий миг перемахнул через балкон...
- Ему сбросили верёвочную лестницу, не так ли?
- Да.
- Ты в этом уверен?

— Да. — Я подошёл к стене, — коснулся свисающей верёвки.

— Хорошо, — сказал господин де Везе, — хорошо! — Кайюэ, ты преданный друг, хороший и верный слуга.

На губах егеря снова появилась улыбка. Эта улыбка была ещё более злобшей и угрожающей, чем та, о которой мы уже говорили.

Но она почти сразу же исчезла, оставшись незамеченной графом. Господин де Везе молчал две или три минуты.

Он, казалось, глубоко задумался. Затем он продолжил:

— Возьми эту лампу, Кайюэ, — сказал он. Егерь повиновался.

— Освети мне путь.

Кайюэ поднял лампу.

— Иди вперёд.

Кайюэ сделал шаг.

— Куда мы идём? — спросил он.

— В мою спальню.

Егерь знал дорогу. Он открыл дверь в коридор, по которому они пошли. Коридор вёл в личные апартаменты господина де Везе. Граф, — впереди которого шёл Кайюэ, — вошёл в большую комнату, роскошно обставленную, но мрачную и суровую.

Кровать, — в средневековом стиле, — стояла на возвышении, к которому вели три ступеньки, и была сделана из резного дуба, с витыми колоннами и балдахином.

Тяжёлые портьеры из лампасной ткани цвета увядших листьев наполовину скрывали кровать и спадали перед окнами. Сиденья — высокие кресла с гербами на спинках — были, как и кровать, из резного дуба. Стены были обшиты деревянными панелями, тоже из дуба, с широкими филёнками.

В каждой из этих филёнок виднелись любопытные трофеи — оружие всех эпох и всех стран. Там были копья, боевые молоты и кинжалы времён рыцарства. Были мавританские ятаганы, — малайские крисы, — индийские канджары. Карабины с колесцовым замком, — аркебузы, — мушкеты, — мушкетоны... Современные ружья лучших оружейников Лондона и Парижа, — кавалерийские, дуэльные и карманные пистолеты... И, наконец, среди множества других видов оружия, перечисление которых заняло бы слишком много времени, — шпаги, кинжалы, охотничьи ножи.

Граф подошёл к одному из трофеев.

— Кайюэ, — повторил он, — посвети мне.

Яркий свет лампы высек тысячи искр из полированной стали шпаг, — из коротких, треугольных и дамасских клинков стилетов, — из рукояток, украшенных золотом и рубинами, арабских сабель.

Господин де Везе долго рассматривал это оружие. Без сомнения, он колебался в выборе, который следовало сделать среди этих смертоносных богатств.

Наконец, решился. Взглядом он выбрал две боевые шпаги, — прочные, — удобные, — хорошо заточенные. Он отделил их от связки.

Кайюэ наблюдал за ним. И, наблюдая, он хмурился и незаметно пожимал плечами.

Господин де Везе внимательно осмотрел гарды и острия шпаг. Осмотр оказался удовлетворительным. Он взял оба оружия под мышку и сделал Кайюэ знак вернуться в библиотеку. Но егерь не двинулся с места.

— Ну же! — сказал господин де Везе, — ты меня не понимаешь?

— Я прекрасно вас понимаю.

— Тогда чего ты ждёшь?

Егерь, в свою очередь, как будто заколебался.

Но это колебание длилось недолго.

- Господин граф, — решительно сказал он, — один вопрос.
- Вопрос?
- Что вы собираетесь делать с этими игрушками?
- И Кайюэ указал на шпаги.
- Ты спрашиваешь меня об этом? — удивлённо ответил граф.
- Да! Конечно.
- Я думал, ты догадаешься...
- Э! Именно потому, что боюсь догадаться, я спрашиваю.
- Неужели ты думаешь, что виконт Арман де Вилёдьё выйдет из парка, как вошёл, не встретив меня на своём пути?
- Нет, чёрт возьми!.. я так не думаю!..
- И ты не понимаешь, для чего мне нужны эти шпаги?..
- О! ещё как понимаю!
- Ну?
- Ну! вам нужны хорошие пистолеты, а не эти маленькие инструменты...
- Пистолеты?
- Да, конечно!
- И почему?
- Потому что свинцовая пуля бьёт вернее, чем стальной клинок...
- Да, но в темноте из пистолета не сражаются...
- Сражаются? — повторил Кайюэ с видом человека, который не понял.
- Конечно, сражаются.
- Что?.. — воскликнул егерь, — вы собираетесь сражаться с господином де Вилёдьё?..
- До смерти одного из нас!..
- Кайюэ снова и ещё энергичнее пожал плечами.
- Господин граф, — сказал он с оттенком странной горечи, от которой господин де Везе вздрогнул, — виконт де Вилёдьё вас обманул, не так ли?
- Ты это хорошо знаешь, Кайюэ!.. — мрачно ответил граф. Егерь продолжил:
- Он украл у вас, не так ли, вашу честь и ваше счастье?..
- Да, мою честь... и моё счастье тоже... ты прав, Кайюэ...
- Рана глубока и жестока, и вы сильно страдаете, не так ли?..
- Да, очень, — пробормотал граф, чья тоска усиливалась с каждым словом егеря.
- Ну! — продолжал последний, чьи глаза метали дикие молнии, — когда человек причинил вам столько зла, и когда этот человек в вашей власти, с ним не сражаются... его убивают!..
- Убийство!.. — воскликнул господин де Везе.
- Нет, господин граф, — ответил Кайюэ, — месть!..
- Это подлость!..
- Это справедливость!..
- Хватит, Кайюэ!.. хватит!
- Господин граф, я доведу дело до конца!.. — Этот человек отнимает у вас самое дорогое в мире!.. он крадёт покой ваших ночей... надежду вашей старости... сердце вашей жены!.. Этот человек — вор, а вора убивают!..
- Пока егерь говорил это, его язвительный и отрывистый голос как будто бил господина де Везе по лицу. Граф пошатнулся. Он то бледнел, то краснел. Наконец, он сказал, — или, скорее, пробормотал эти почти неразборчивые слова:
- Возможно, ты прав, Кайюэ... Но, понимаешь, я никогда не смог бы... нет, никогда... ударить сзади безоружного врага...
- Как хотите, господин граф, — холодно ответил егерь. — Вы хозяин..

И, не добавив ни единого слова ко всему, что он сказал ранее, он снова открыл дверь коридора и, сопровождаемый господином де Везе, вернулся в библиотеку.

Там Кайюэ поставил лампу на стол, откуда он её взял. Он пошёл за своим карабином, который оставил в углу, и стал ждать. Пять минут прошли в глубоком молчании.

— Идём, — сказал затем господин де Везе, — я за тобой...

— Куда мы идём?

— К воротам парка.

Кайюэ пошёл вперёд.

В тот момент, когда двое мужчин, пройдя по длинному коридору и спустившись по потайной лестнице, покинули замок, чтобы войти в парк, буря, на мгновение утихшая, разразилась с невиданной силой.

Старые вековые деревья, сталкиваемые друг с другом порывами ветра и гнущиеся, как тростник, ударялись ветвями, которые с треском ломались и падали на землю.

Слышалось, как тополя и берёзы скрипят и ломаются под напором урагана.

Шум их гигантского падения на влажную землю выделялся даже среди великого грохота природы, сотрясаемой конвульсиями.

Гром гремел непрерывно. Молнии прорезали тучи.

Всё небо, подобное раскалённой добела печи, являло собой волшебное и ужасающее зрелище гигантского пожара.

— Какая ночь!.. какая ужасная ночь!.. — невольно воскликнул граф.

— Дух зла властвует в буре! — громко ответил егерь.

И тихо добавил:

— О! да, это ужасная ночь!.. ужасная, но благоприятная для зловещих тайн, которые она должна сохранить!..

Тем временем господин де Везе переступил порог маленькой калитки замка.

Он пытался пересечь открытое пространство и изо всех сил боролся с бурей.

Но ветер был настолько сильным и порывистым, что он мог двигаться только медленно и шаг за шагом.

Наконец, граф и егерь достигли зарослей, а затем стены.

Благодаря защите её высокой кладки, препятствующей ярости бури, они добрались до охотничьего домика, расположенного рядом с калиткой, через которую вошёл господин де Вилёдье.

В этот момент огромная молния прорезала небо, как меч ангела-истребителя.

В то же время раздался удар грома, похожий на одновременный залп двадцати пушек.

Огненный столб, казалось, рухнул на парк, и молния ударила в десяти шагах от графа и Кайюэ, за стеной.

III. Приветствие

На этот удар грома ответило испуганное ржание. Затем это ржание сменилось звуком стремительного галопа двух лошадей, убегающих вдаль по полям.

— Кайюэ, слышишь? — спросил граф егеря.

— Конечно, — ответил тот.

— Что это за шум?

— Лошади господина де Вилёдье испугались и убегают...

Кайюэ не ошибался.

Напуганные молнией, которая только что ударила у их ног, лошади виконта в панике умчались прочь, охваченные ужасом, потеряв рассудок, унося с собой слугу, который, сидя на одной из них, держал другую за поводья.

Ещё мгновение сквозь грохот бури можно было различить удаляющийся звук их бешеного галопа. Затем раздался крик.

Один-единственный. Но ужасный, — последний крик отчаяния и агонии.

Затем — ничего!

Ничего, кроме шума порывов ветра, — стука разбивающихся деревьев, — ударов грома. — О! о! — произнёс Кайюэ.

— Что случилось? — спросил граф.

— Произошло несчастье.

— Ты думаешь?

— Я уверен.

— Где?

— Там.

И Кайюэ жестом указал на ту точку горизонта, откуда раздался крик ужаса.

— Это несчастье, — спросил господин де Везе, — какое оно?

— Луара обрывиста и глубока, — ответил егерь, — ночь темна... лошади были напуганы.

Кайюэ замолчал и на мгновение прислушался. — Затем он мрачно продолжил:

— Никто из живых, кто уехал этой ночью из замка Вилёдые, не вернётся туда утром...

Господин де Везе вздохнул и ничего не ответил.

— Тем лучше, в конце концов, — тише продолжал егерь, — тем лучше!.. — не останется свидетелей того, что произойдёт этой ночью.

И, сказав это, Кайюэ надвинул на глаза свою кепку из вареной кожи.

Он оперся на ствол своего карабина и остался неподвижным и безмолвным.

Господин де Везе, прислонившись к одному из каменных столбов калитки, погрузился в глубокие и печальные размышления.

Когда вспышка молнии на мгновение освещала его лицо, на нём можно было прочесть больше печали, чем гнева.

Время от времени между его полуприкрытыми веками появлялась украдкой слеза.

Тогда его губы тихо повторяли с глубокой и невыразимой горечью:

— О! Маргарита!.. Маргарита!..

Но, как бы тихо господин де Везе ни произносил это имя, Кайюэ однажды его услышал.

Он поднял голову.

Его ноздри раздулись.

Всё его лицо приняло почти свирепое выражение.

Его зубы, белые, острые, расставленные, как у волка, до крови прикусили губу.

Его взгляд сверкнул во тьме.

Он зловеще покачал головой и пробормотал тихим и неразборчивым голосом:

— Маргарита и Сюзанна! — Везе и Кайюэ!.. — две любви! — два предательства!.. — две мести!..

Прошёл час.

Час, долгий, как день, — как год, — как век!..

В течение шестидесяти вечностей этого бесконечного часа господин де Везе испытал все муки, которые только может вынести человеческая душа!..

В течение этого часа он впервые ощутил острые, раздражающие, ядовитые укусы змеи ревности, чьи огненные зубы вонзались в самые живые, самые чувствительные части его сердца.

Дьявольская и отчаянная галлюцинация показывала ему его жену, — его возлюбленную Маргариту, — ту, которую ещё вчера он считал верной и целомудренной из всех жён, — показывала ему её, говорим мы, в объятиях другого, безумную от страсти, опьянённую любовью, подставляющую свои свежие и улыбающиеся губы пылким губам любовника!.. В это невозможно было поверить!..

И поскольку доказательство было здесь, ужасное, неопровержимое, сокрушительное, — от этого можно было умереть!..

Маргарита — неверная жена!..

Маргарита, носящая в своём чреве ребёнка, плод проклятой любви!..

Маргарита!.. — Эта Маргарита с белокурыми волосами, — с лазурными глазами, — с чистым лбом, — с девственным взглядом!..

В ней всё было обманом!..

Взгляд лгал!

Лоб лгал!

Рот лгал!

Ангел был демоном!..

Вот что говорил себе господин де Везе, — и по мере того, как эти мысли проносились в его мозгу, как огненный ураган, мертвенная бледность его лица усиливалась, — его рука судорожно сжимала гарды двух шпаг, — неугасимая жажда мести всё глубже проникала в его душу.

Внезапно Кайюэ сделал шаг к своему господину.

Он слегка коснулся его локтя.

Господин де Везе, вырванный таким образом из своих мучительных размышлений, вздрогнул.

— Что? — спросил он, — что ты хочешь?

Кайюэ приложил палец к губам.

И, поскольку граф мог не увидеть этого выразительного жеста, он тихо добавил:

— Тише!..

Господин де Везе наклонился к Кайюэ.

Он приблизил свои губы к уху егеря и тихо спросил:

— Что такое?

— Слушайте!

Господин де Везе прислушался.

Когда могучие голоса бури на секунду утихали, слышался лёгкий шум.

Это был звук беззаботных шагов, которые, приближаясь, хрустели по песку аллеи.

Сердце графа перестало биться.

— Это он, — сказал Кайюэ.

Шаги становились всё отчётливее.

— Через полминуты он будет здесь, — продолжил егерь.

В то же время, как бы в подтверждение последних слов Кайюэ, прогремела молния и небо прорезала вспышка.

В её мимолетном, но ослепительном свете можно было увидеть человека, закутанного до самых глаз в плащ тёмного цвета, направляющегося к небольшой калитке парка.

Молния погасла. Темнота снова стала полной.

Но, поскольку господин де Везе ждал уже больше часа, его глаза обрели способность различать предметы, несмотря на тьму.

Полминуты прошло.

Граф взял обе шпаги в левую руку и пошёл прямо к приближающемуся человеку, который его не видел.

Когда они поравнялись, он остановился и положил правую руку ему на плечо.

Незнакомец был настолько уверен, что в этот час ночи в этой части парка он один, что это неожиданное прикосновение вырвало у него крик удивления.

Но он тут же пришёл в себя.

Он сунул руку под полу своего сюртука, — вытащил оттуда маленький заряженный пистолет и, направив ствол этого оружия на господина де Везе, грозно произнёс:

— Прочь!.. или ты труп!..

Граф увидел жест ночного гостя...

Он отступил на шаг. Но героическим усилием ему удалось настолько овладеть собой и своими эмоциями, что он ответил с величайшим хладнокровием, спокойным и естественным голосом:

— Я думаю, господин виконт, что эта угроза несерьёзна... выстрел из пистолета нарушил бы то живое удовольствие, которое я испытываю, приветствуя вас...

Господин де Вилёдьё тут же узнал голос того, кто так с ним говорил. Он отскочил назад, как будто наступил на змею.

— Вы, господин граф!.. — машинально воскликнул он; — вы!.. здесь!..

— Вы же здесь, — ответил господин де Везе; — разве удивительно, что и я здесь?..

Виконт совершенно потерял голову.

Он пытался, но тщетно, собраться с мыслями и оценить ситуацию.

Ситуация была сложная и щекотливая, как никогда, — мы не можем этого отрицать.

Но в его мозгу царили беспорядок и смятение.

Он смог только пробормотать едва различимым голосом слова, смысл которых он, конечно, не осознавал:

— Просто... я так не ожидал...

— Встретить меня на своём пути?.. — закончил господин де Везе тоном, в котором было нелегко распознать ироническую горечь.

— Да... господин граф... — пробормотал господин де Вилёдьё.

— В самом деле!.. — Что может быть естественнее, однако? и как моё присутствие может вас удивлять?..

Господин де Везе замолчал, как будто ожидая ответа на эти слова. Виконт промолчал. Господин де Везе продолжил:

— Случай помог мне узнать, что вы у меня в гостях... и я поблагодарил этот случай, который неожиданно сообщил мне о вашем неожиданном визите. Вы сочли нужным, господин виконт, войти в мой дом, не объявив о себе... Как галантный человек, я посчитал своим долгом уважать тайну, которой вы себя окружили... по причинам, которые мне неизвестны и которые я не пытаюсь узнать. Но я, тем не менее, не хотел, чтобы вы покинули мой дом, не выразив вам всего того удовольствия, которое я испытал бы, принимая вас сам...

Граф сделал ударение на этих двух последних словах. Он как бы подчёркнул их энергично и многозначительно.

Затем он продолжил:

— Итак, у меня был только один способ встретиться с вами... и этот способ — оказаться на вашем пути в момент вашего ухода... Я знал, что вы вошли в парк через эту калитку... Поэтому было девяносто девять шансов из ста, что вы выйдете тоже через эту калитку... Вот почему, господин виконт, я здесь и имею честь приветствовать вас...

Сказав это, господин де Везе поклонился виконту.

Конечно, последний не был ни дураком, ни трусом.

Оцепенение в первый момент, — как мы видели, — полностью парализовало его умственные способности. Но, пока господин де Везе обращался к нему, он пришёл в себя и без труда понял всю ту ненависть и гнев, которые скрывались под спокойным и размеренным тоном, под вежливыми словами его противника.

Это было только начало мести.

Он только что выставил господина де Вилёдьё в смешном свете в его собственных глазах.

Да, смешным, ибо виконт не скрывал от себя, что ему совершенно не хватило присутствия духа, дерзости и находчивости, и что он только что был полностью раздавлен моральным превосходством этого обманутого мужа.

Итак, — в нашей прекрасной Франции, — можно обмануть мужа...

Можно, чтобы этот муж разозлился...

Можно нанести ему или получить от него несколько доблестных ударов шпагой...

Всё это по правилам.

Ни один мало-мальски уважающий себя ловелас не отказывается понести иногда неприятные последствия удачной интрижки...

Но соблазнитель не прощает бедному мужу, если на него падает хоть малейшая капля того позора, которым он щедро его покрывает!

IV. Клятвы

— Господин граф, — сказал Арман де Вилёдьё простым и твёрдым тоном и с большим достоинством, — моё присутствие у вас в такой час и без вашего ведома должно казаться вам оскорблением, я этого не отрицаю...

— Я рад, что вы это понимаете, — иронично пробормотал господин де Везе.

Виконт продолжил:

— Однако позвольте мне объяснить своё поведение, а затем я буду полностью в вашем распоряжении, какое бы удовлетворение вы ни сочли нужным потребовать от меня...

— Вы хотите дать мне объяснения, господин виконт?.. — спросил господин де Везе.

— Да, господин.

— Ваше поведение, признаюсь, казалось мне достаточно ясным... — похоже, вы судите об этом иначе... — Ну что ж!.. — Объяснитесь же, господин виконт; я слушаю вас не только внимательно, но и, клянусь вам, с огромным любопытством.

Эти слова были произнесены — как и всё, что господин де Везе говорил до сих пор, — тоном изысканной вежливости.

— Вы делали мне честь, называя меня своим другом... — пробормотал, не без смущения, господин де Вилёдьё.

— Это правда... — ответил граф. И, помолчав, добавил:

— Да, я называл вас своим другом, господин де Вилёдьё, и, возможно, это звание должно было иметь для вас определённую ценность; ибо я не расточал его.

Виконт продолжил, — но не без усиления колебаний и смущения:

— Меня принимали у вас с доброжелательностью...

— Больше, чем с доброжелательностью, господин... с любовью... — перебил граф.

Господин де Вилёдьё продолжил:

— Я каждый день видел госпожу де Везе... и, допущенный в опасную близость с такой обольстительной молодой женщиной, я не был хозяином ни своего сердца, ни своего разума... я загорелся к ней безумной страстью...

— Этот рассказ меня живо интересует, а это признание очаровывает!.. — воскликнул граф со странной улыбкой. — Продолжайте, господин, прошу вас!.. продолжайте!..

— Я должен был уехать... — продолжил господин де Вилёдьё; — я должен был бежать отсюда... изгнать себя на край света... — Честь и верность обязывали меня к этому... у меня не хватило мужества... Долгое время я скрывал в глубине души свою безнадежную любовь!..

— Безнадежную!.. — пробормотал господин де Везе, — безнадежную!.

— Да, конечно! — ответил виконт — Вы что, сомневаетесь в этом, господин?..

— Немного, должен признать.

— Как я мог осмелиться признаться в этой преступной страсти целомудренной и святой женщине, носящей ваше имя?.. — где бы я нашёл эту нечестивую дерзость?.. — я поклялся себе, что эта роковая любовь всегда будет молчать... и у меня хватило сил сдержать слово...

— Правда!.. — воскликнул граф.

— Но вчера, — продолжил господин де Вилёдьё, не обращая внимания на это прерывание, — вчера, в злополучный день, злой гений, демон, желавший моей гибели, пришёл смутить мою душу, воспламенить мои чувства, сбить с толку мой разум... — Я забыл о своей клятве... я обезумел... да, обезумел, ибо не отверг с ужасом подлое искушение, которое пришло ко мне... я не прогнал эту подлую мысль получить силой то, чего не осмелился бы просить у обольщения.

Господин де Везе снова улыбнулся, и его правая рука судорожно сжала гарду шпаги.

Виконт Арман продолжил:

— Подобные планы, внушённые самим демоном, не из тех, исполнение которых откладывают... Это роковое опьянение, о котором я только что говорил, полностью овладело мной... Я взял верёвочную лестницу... Я приказал оседлать лошадей... Я пришёл... пришёл, несмотря на бурю... несмотря на молнии... несмотря на эти голоса земли и неба, которые кричали мне, что я иду на преступление... что я бегу к своей гибели... и язык которых мой ослеплённый разум не хотел понимать... Я знал, в какой части замка находятся покои госпожи графини... Я забросил свою лестницу на балкон этих покоев... Дух зла всё ещё толкал меня... Я проник, как негодяй, как трус, как бандит, в комнату, где спала ваша жена...

Ужасная нервная судорога на секунду изменила выражение лица господина де Везе. Однако он не прервал его.

Виконт продолжил:

— Я был близок к цели, господин граф... Я вот-вот должен был стать подлецом... К счастью, Бог сжалился надо мной... Мне показалось, что с моих глаз спала плотная повязка, — моё нравственное ослепление как по волшебству прекратилось... Я испугался того, что уже сделал и что показалось мне отвратительным... Я с ужасом отступил перед преступлением, которое задумал... Я уважал целомудренный сон той, из которой решил сделать свою жертву... Я от всего сердца поблагодарил Бога, который позволил, чтобы было ещё не слишком поздно... и я вышел, молча и дрожа, из этой всё ещё чистой комнаты, оставив вашу жену спящей, окружённой ангелами небесными, которые только что защитили её и которые должны были улыбаться её снам...

Господин де Вилёдьё закончил.

Граф де Везе, казалось, на мгновение задумался.

Затем, видя, что его противник молчит, он спросил:

— Это всё, господин?

— Да, господин граф, — ответил господин де Вилёдьё, — да, это всё...

— Вам нечего добавить?

— Ни слова.

— Ничего не хотите изменить в своём рассказе?

— Ничего.

— Значит, вы один виноваты?

— Да.

— Значит, графиня, моя жена, — и господин де Везе сделал ударение на этом слове, — значит, графиня, моя жена, не знает о вашей любви?

— Она не знает.

— Тем более она не разделяет эту страсть, которая ей не была открыта?..

— Тем более, да, господин.

— Значит, она не знает, что вы проникли этой ночью в её комнату, пока она спала?

— Как она могла это заподозрить, если она не проснулась?

— Тогда между графиней и вами ничего не произошло, что могло бы и должно было бы превратить моё уважение и любовь к ней в ненависть и презрение?..

— Госпожа графиня — святая!.. она достойна величайшего поклонения и уважения!..

Господин де Везе поклонился.

Наступило мгновение молчания.

Молчание прервал граф.

— Господин де Вилёдьё, — спросил он, — всё, что вы только что сказали, правда?

— Уверяю вас.

— Клянётесь?

— Клянусь.

— Честью дворянина?

— Честью дворянина.

— Верой христианина?

— Верой христианина.

— Честью своей матери?

Господин де Вилёдьё заколебался, прежде чем ответить.

Но это колебание было едва заметным, и он отчётливо произнёс:

— Честью своей матери, господин граф, клянусь!..

В третий раз на губах господина де Везе появилась странная улыбка.

— Господин Арман де Вилёдьё, — продолжил он всё тем же спокойным голосом и размеренным тоном, — я говорю вам это с глубоким сожалением, но я должен вам сказать: — ваша честь дворянина, ваша вера христианина и честь вашей матери кажутся мне скомпрометированными...

— Скомпрометированными, господин!.. — воскликнул виконт, — скомпрометированными, говорите вы?

— Боже мой, да!

— И почему?

— Почему? — потому что вы только что подкрепили тройную ложь тройной клятвой!.. потому что вы только что трижды солгали!..

— Я солгал?

— Да, господин, вы солгали!..

— В чём, господин граф?

— Во всём, господин виконт!

— Вы безумец, господин!

— Нет, господин, я не безумец, и я вам это докажу. Вы солгали, сказав, что проникли этой ночью в парк впервые... У вас в руках поддельный ключ от калитки, которая находится позади нас, и этот ключ служил вам двадцать раз, а может быть, и сто. Вы солгали, сказав, что госпожа де Везе не знает о вашей любви и не является вашей сообщницей... Солгали, сказав, что проникли в её покои, пока она спала, и без её ведома... Госпожа графиня ждала вас два часа назад... Именно она с высоты своего балкона сбросила вам верёвочную лестницу, которая должна была привести вас к ней... Наконец, вы её любовник, — её любовник во всех смыслах этого слова, — и вы можете лучше меня претендовать на отцовство ребёнка, которого она носит в своём чреве... Итак, вы видите, господин виконт, что, чтобы узнать, сколько раз вы солгали, нужно просто сосчитать ваши слова...

Господин де Везе замолчал. В его голосе едва ли можно было уловить гневную интонацию, пока он произносил эту длинную тираду.

Только его чрезмерная бледность и непроизвольное дрожание рук свидетельствовали о сверхчеловеческом усилии, которое ему приходилось делать, чтобы казаться спокойным.

Господин де Вилёдьё казался подавленным. Ему даже не удалось спасти благочестивой, но ужасной ложью женщину, которую он любил. Он поклялся ложно честью своей матери, — и эта святотатственная клятва не достигла своей цели.

И графиня де Везе оказалась потерянной — потерянной им и из-за него!

— Вы сказали мне только что, — продолжил граф, — что после того, как объясните своё поведение, будете в моём распоряжении... ибо. я не ошибаюсь, не так ли, вы действительно сказали мне это?..

— Да, господин граф, я сказал вам это...

— Ну что ж, ваше поведение объяснено...

— Я в вашем распоряжении.

— Я на это рассчитываю.

— Я готов на всё... жду вашего решения.

— Дуэль — это жалкая компенсация, я знаю, — продолжал господин де Везе, — и этот так называемый суд Божий часто оказывается очень несправедливым; — однако я должен этим довольствоваться, поскольку не убил вас сразу же, как, конечно, имел на это право...

— Мне не нужно говорить вам, — ответил виконт, — что всегда и везде я буду к вашим услугам...

— Что вы имеете в виду, господин?

— Я имею в виду, что явлюсь на место встречи, которое вы мне назначите.

— Вам не надо беспокоиться... — Мы будем драться...

— Здесь?

— Да, чёрт возьми, здесь!..

— В этот час?

— Сию минуту.

— Что! Несмотря на ночь?

— Молнии послужат нам факелами.

— Но у меня нет оружия...

— У меня есть...

И господин де Везе показал две шпаги, которые до этого момента держал под левой рукой. Затем он добавил:

— Я всё предусмотрел и, как видите, человек предусмотрительный.

— Но, — возразил виконт, — нам не хватает одной необходимой вещи...

— Какой?

— Свидетелей.

— Зачем нужны свидетели?

— Чтобы засвидетельствовать, что это была дуэль, а не убийство...

— Что ж! Вот Кайюэ, мой старый слуга, который будет присутствовать при поединке и, если понадобится, засвидетельствует, насколько честно всё прошло...

— Хорошо! — сказал тогда господин де Вилёдьё, — пусть будет по-вашему, господин граф...

— Это меньшее, что я могу сделать, не так ли? — ответил господин де Везе, — меньшее, что я могу сделать, это убить вас или быть убитым вами, в удобное для меня время и не выходя из своего парка?..

И поскольку виконт не ответил, господин де Везе продолжил, взяв обе шпаги за острий и протянув рукояти своему противнику:

— Выбирайте.

— Это лишнее...

— Как?

— Дайте мне одну из этих шпаг, наугад...

— Нет. Это неправильно; — вы должны сами взять своё боевое оружие, — к тому же эти шпаги одинаковой длины, — обе хорошо лежат в руке, — закалка у них одинаковая, и рукоять похожа... — ещё раз, господин виконт, выбирайте.

Арман де Вилёдье взял одну из шпаг.

— Давайте подойдём к стене, пожалуйста, — сказал граф; — по крайней мере, там мы будем защищены от порывов ветра и этого ливня, который слепит нас, хлеща по глазам...

Говоря это, господин де Везе сделал несколько шагов к ограждающей стене.

Виконт последовал за ним.

Кайюэ не сходил с того места, где он находился и откуда наблюдал за разговором, который мы только что представили вниманию наших читателей.

Оба противника встали друг против друга. Господин де Везе снял свою охотничью куртку и бросил её в нескольких шагах от себя. Виконт снял свой сюртук.

Затем оба мужчины скрестили шпаги.

Но господин де Вилёдье почти сразу же опустил клинок своей.

— Что вы делаете? — воскликнул граф.

— Господин, — ответил виконт, — что бы вы ни говорили только что, Бог справедлив, и я уверен, что сегодня его приговор уже вынесен... Предчувствие, которое меня не обманет, говорит мне, что я умру...

— Да ладно!.. — пробормотал господин де Везе. — Верить в предчувствия — это слабость или безумие!..

— Ни то, ни другое, господин, и вы скоро это увидите!.. Через три минуты, сражённый вами, я буду лежать на том самом месте, где сейчас стою... Итак, моя совестьотягощена тяжким грехом, и мой ужас велик перед лицом этой смерти, к которой я не готов... Если бы вы простили меня, господин граф, вас, кого я так жестоко обидел, я бы верил в милосердие Бога, перед которым я предстану, и не отчаивался бы обрести милость в его глазах, поскольку обрёл бы милость в ваших... Я раскаиваюсь... и я умру... Простите же меня, господин граф!.. Я смиренно прошу вас... Я прошу вас на коленях...

И действительно, господин де Вилёдье, опустившись на одно колено перед обманутым им мужем, склонил голову.

Господин де Везе, — удивлённый просьбой, которой он так не ожидал, — сначала не ответил.

Глаза Кайюэ сверкали во тьме.

— Неужели он простит? — пробормотал он.

И его руки судорожно сжали приклад карабина.

V. Удар шпагой

В душе господина де Везе, безусловно, возникло явное колебание, но оно было недолгим.

— Господин виконт, — ответил он серьёзным голосом и с выражением, совсем не похожим на тот насмешливо-вежливый тон, который он сохранял до сих пор, — я повторяю вам, что не верю в предчувствия; — исход поединка, который должен состояться между нами, — тайна как для меня, так и для вас, и опасность, которая нам угрожает, одинакова для нас обоих... Я знаю, что Бог велит прощать... Но я также знаю, что он не потерпит, чтобы прелюбодеяние осталось безнаказанным...

Услышав эти слова, егерь вздрогнул.

Его белые и расставленные зубы — зубы хищного зверя — стукнулись друг о друга под его сжатыми губами.

— У меня была жена, — продолжал господин де Везе, — жена, в которую я вложил всё своё счастье... которой отдал всю свою любовь... и я думал, что она любит меня так же сильно, как я её...

— Ложь!.. ложь!.. — пробормотал Кайюэ.

Господин де Везе продолжил:

— Вы отняли у меня эту женщину, которая была моей перед Богом и перед людьми!.. Вы украли её душу и её любовь!.. Вы погубили моё счастье!.. Вы отравили моё будущее!.. И теперь вы приходите просить у меня на коленях невозможного прощения!.. Этого прощения, которое вы просите, господин виконт, не рассчитывайте получить... Какую бы обиду ни претерпели, её, без сомнения, следует забыть... Моя добродетель не простирается так далеко! Пусть Бог помилует вас, если захочет... — Как христианин, я советую вам просить его об этом, но я вас не прошу...

Арман де Вилёдьё поднялся.

Им овладело видимое и глубокое волнение.

— Внимание! — сказал граф.

— Послушайте... — пробормотал виконт.

— Что ещё? — спросил господин де Везе с плохо сдерживаемым нетерпением.

Господин де Вилёдьё жестом указал на одежду, которую только что бросил на влажный песок аллеи.

— В боковом кармане этого сюртука, — ответил он, — есть бумажник... — В этом бумажнике находятся некоторые семейные документы, имеющие определённую важность... Я хочу, чтобы эти документы не пропали... Если я погибну в поединке, который вот-вот начнётся, прошу вас, передайте их моему сыну... этому бедному ребёнку, чья мать умерла и который останется совсем сиротой... Сделаете ли вы это, господин граф?

— Да.

— Вы обещаете мне это?

— Обещаю.

— Спасибо, — а теперь, когда хотите... я готов...

Господин де Везе не заставил себя повторять эти слова.

Через секунду обе шпаги снова скрестились. Поединок начался.

Это был странный поединок, и, конечно, захватывающее и любопытное зрелище.

Буря усилилась, как будто желая бросить свои зловещие отблески на эту сцену смерти. Непрерывные молнии прорезали небо во всех направлениях и, казалось, высекали мимолетные искры из клинков, которые с металлическим скрежетом сталкивались друг с другом.

Граф и виконт сохраняли одинаковое хладнокровие. Их фехтовальное мастерство было примерно одинаковым. Они не раз стрелялись вместе, так что каждый из них прекрасно знал приёмы своего противника.

Господин де Везе атаковал с жаром, — с порывистостью, — с яростью, — но с холодной яростью, исключавшей всякую неосторожность. Арман де Вилёдьё же использовал своё искусство и мастерство исключительно для защиты. Его шпага как будто образовывала стену из живой стали между ним и шпагой графа. Он только парировал и никогда не отвечал ударом на удар, — атакой на атаку.

Можно было подумать, — и, возможно, это была правда, — что он стремится защитить свою жизнь, но решил сохранить жизнь своего противника.

Последний вскоре начал раздражаться из-за этого ледяного сопротивления, которое никогда не переходило в наступление. Мысль о том, что господин де Вилёдьё щадит его, внезапно овладела его разумом и вывела его из себя. Он удвоил порывистость, — нанося удары без передышки и всё время безуспешно, — и открываясь с безумной смелостью, которая отдавала его на милость виконта.

Господину де Вилёде нужно было только вытянуть руку в прямом ударе, чтобы поразить графа прямо в грудь. Одно движение его руки, и господин де Везе был бы мёртв.

Этого движения он не сделал.

В груди господина де Вилёде билось благородное сердце, и если этот дворянин совершил бесчестный поступок, то, по крайней мере, он не уклонялся от искупления.

Однако поединок должен был закончиться. Настал момент, когда на смелый выпад господина де Везе шпага виконта слишком поздно пришла чтобы парировать удар. Тем не менее, она отбила клинок, который должен был пронзить грудь насквозь. Но остриё этого клинка ударило в макушку господина де Вилёде и глубоко вонзилось в неё.

Рука виконта тут же разжалась. Он выпустил оружие, взмахнул обеими руками.

Затем он упал навзничь, пробормотав:

— Видите, Бог справедлив!..

Затем его глаза закрылись, и он остался неподвижным.

Граф склонился над этим умирающим телом. Он поднял эту бледную голову, из которой потоками лилась кровь.

Губы господина де Вилёде приоткрылись. Он пробормотал, но так слабо, что его почти не было слышно:

— Бумажник... бумажник... мой сын... не забудьте... Боже мой... прости... Я умираю... Шёпот его слов затих. Его губы перестали шевелиться. Его дыхание остановилось.

Господин де Везе расстегнул рубашку виконта и положил руку ему на сердце.

Сердце больше не билось.

— Он мёртв! — медленно сказал он, вставая. — Он мёртв!.. да упокоит Бог его душу!..

Пока происходила развязка сцены, которую мы только что описали, вот что происходило в нескольких шагах позади двух главных действующих лиц этой сцены.

Кайюэ, как мы знаем, присутствовал при поединке в качестве единственного свидетеля.

Мы также знаем, что он молчал, бесстрастно опирался на свой карабин. Пока длился поединок, он ждал, неподвижный, как бронзовая статуя на гранитном постаменте.

В тот момент, когда шпага графа смертельно ранила господина де Вилёде, Кайюэ, как бы привлечённый непреодолимой силой, сделал шаг вперёд. Его губы снова приоткрылись, искажённые усмешкой дикой кошки.

Виконт упал.

Господин де Везе стоял спиной к Кайюэ.

Егерь тогда медленно поднял ствол своего карабина. Он тщательно прицелился в своего хозяина.

Рука Кайюэ не дрожала. Его сердце, — мы могли бы это утверждать, — билось не сильнее обычного. Он положил палец на спусковой крючок и нажал на него.

Курок ударил по кремню. Из кремня вылетели искры. Но выстрела не последовало. Даже порох не загорелся. Порох отсырел!..

Кайюэ подавил крик ярости, — сдержал глухое ругательство, поднимавшееся из его сердца к губам. Затем он схватил свой карабин за ствол, закрутил его, как те дубинки, которые индейцы называют «ломающими головы» и которые являются у них грозным оружием, и пошёл на господина де Везе.

Граф в этот момент склонялся над бездыханным телом того, кого только что поразил.

Рука Кайюэ поднялась. Выражение свирепой ненависти появилось на грубых чертах егеря. Смертоносное оружие вот-вот должно было опуститься!..

С графом было покончено...

Внезапно выражение лица Кайюэ изменилось.

— Нет... — пробормотал он, — не так... — это было бы слишком быстро... он бы недостаточно пострадал...

Позже мы узнаем, почему егерь питал к своему хозяину такое справедливое негодование. Его рука опустилась, не ударив, и он снова оперся на свой карабин.

Господин де Везе обернулся, не подозревая об ужасной опасности, которой он только что подвергся, и сказал:

— Кайюэ?..

Егерь подошёл.

— Господин граф? — спросил он.

— Ты всё видел, не так ли?

— Всё.

— Что ты скажешь о том, что только что произошло?

— Я скажу, что вы отомщены... и что вы должны быть довольны, господин граф, потому что месть — это хорошо...

— Это твоё мнение, Кайюэ?

— Да, господин граф, это моё мнение.

Господин де Везе опустил голову.

Егерь продолжил.

— Разве вы не согласны со мной?..

Господин де Везе отрицательно покачал головой.

Затем он пробормотал:

— Больше нет...

— А! — сказал Кайюэ, — больше нет?..

— Нет.

— И почему?

— Потому что теперь мой гнев прошёл... и я вижу вещи такими, какие они есть...

— Что вы видите, господин граф?

— Я вижу, что поступок, который я только что совершил, — это преступление!..

— Преступление! — воскликнул егерь.

— Отвратительное преступление, — повторил господин де Везе, — отвратительное... и оно меня ужасает!..

— Я не понимаю вас, господин граф!.. в чём же вы виноваты?.. ваш противник... ваш враг... пал, это правда... — но это был один из возможных исходов поединка... и этот поединок, вы знаете не хуже меня, был честным...

— Кайюэ, этот поединок был убийством!..

— Господин де Вилёдые смертельно оскорбил вас.

— Господин де Вилёдые не защищался!..

— Ошибка!

— Нет, правда!.. — Я ударил человека, который не нападал на меня!.. — я ударил его наверняка!.. — я ударил его, не подвергая себя опасности!.. — я ударил его, как трус!..

— Господин граф, что вы говорите?.. — воскликнул егерь, — ради Бога, придите в себя!..

— Кайюэ, — продолжил господин де Везе, — поверь мне, месть горька!.. угрызения совести следуют за ней по пятам!.. Этот человек, зная, что он отдаст мне свою жизнь, благородно просил прощения, которое успокоило бы его душу!.. Я отказал ему в этом прощении!.. — я был безжалостен!.. — возможно, когда-нибудь я сам попрошу прощения... и будет ли Бог тоже безжалостен!..

Господин де Везе спрятал лицо в ладонях.

— Да, безжалостен!.. — вы сами это сказали, господин граф!.. — пробормотал Кайюэ, но так тихо, что его хозяин не услышал.

Тогда между двумя мужчинами наступило довольно долгое молчание.

Ураган утих. Гром ослабевал, глухо рокоча в недрах туч. Редкие молнии всё ещё время от времени прорезали чёрное небо. Дождь лил крупными каплями.

— Господин граф... — сказал егерь.

Господин де Везе поднял голову.

— Что тебе нужно? — спросил он.

Кайюэ указал рукой на труп, лежащий на земле почти у его ног.

— Нельзя, — сказал он затем, — нельзя, чтобы это тело оставалось здесь.

— Это тело!.. — повторил господин де Везе с нервной дрожью, — О! Боже мой, что же нам с ним делать?..

— Вот что я как раз хотел у вас спросить...

— Разве я знаю?

— Значит, господин граф, у вас нет никакого плана?..

— Никакого.

— Даже идеи?

— Ни одной.

— Что ж! Я думаю, у меня есть одна.

— Какая?

— Позвольте ли вы мне сказать вам, что, по моему мнению, нам следует сделать?..

— Я не только разрешаю тебе, — но и прошу...

Кайюэ отошёл на несколько шагов. Он прислушался, как будто чтобы убедиться, что он один с господином де Везе.

Затем он вернулся к своему хозяину.

VI. Могилы

— Давай же... — воскликнул граф с некоторым нетерпением, — давай, что ты хочешь мне сказать, Кайюэ?..

— Я хочу сказать вам, господин граф, что от вас зависит, чтобы всё, что только что здесь произошло, осталось навсегда погребено в ещё более глубокой и непроницаемой тьме, чем та, что окружает нас этой ночью...

— Как это? — спросил господин де Везе.

— Вы помните, господин граф, те испуганные ржания, которые мы услышали, когда подошли к этой калитке?..

— Да, я помню... — пробормотал граф. Егерь продолжил:

— Вы помните, что вы сказали мне: — «Что это за шум, Кайюэ!»

— Я помню... — повторил господин де Везе.

— И что я вам ответил: «Это лошади господина Вилёдые испугались и убегают...»

— Я помню... — в третий раз пробормотал граф. Егерь продолжил:

— Мгновение спустя, — сказал он, — до нас донёсся предсмертный крик, и я сказал вам:» — Господин граф, произошло несчастье... — Луара обрывиста... — ночь темна... — лошади напуганы!.. — Никто из живых, кто уехал этой ночью из замка де. Вилёдые, не вернётся туда утром...».

— А! — воскликнул господин де Везе, — я ничего не забыл!..

— Что ж, вы меня поймёте... — когда наступит день, на берегу Луары найдут изуродованные трупы человека и двух лошадей... узнают ливрею господина де Вилёдые... — решат, что хозяин погиб, как и слуга... — не заподозрят дуэль... предположат несчастный случай... что вы думаете об этом, господин граф?...

— Ты забываешь, Кайюэ, что найдут только одно тело...

— Скажут, что глубины Луары сохранили другой труп... — А этот?.. — пробормотал граф, указывая на бездыханное тело господина де Вилёдье.

— Этот? — ответил егерь, — этот исчезнет.

— Исчезнет!..

— Да. — И навсегда.

— Как?

— Я этим займусь.

— Что же ты хочешь сделать, Кайюэ?

— Я хочу с вашей помощью перенести это тело в одно из подземелий замка, где находятся могилы ваших предков и куда никто никогда не заходит... Я хочу поднять надгробную плиту... Под этой плитой, наконец, я хочу похоронить этот труп... — кто же пойдёт искать его там?

— Святотатство!.. — воскликнул господин де Везе, отступая с каким-то ужасом.

Кайюэ очень непочтительно пожал плечами.

— Вы предпочитаете, — спросил он затем, — вы предпочитаете провозгласить всему свету бесчестие вашей жены, — ваш позор и вашу месть?.. — вы вольны, господин граф! — это, в конце концов, ваше дело, а не моё...

Наступило мгновение молчания.

Затем господин де Везе медленно ответил:

— Ты прав... я это чувствую...

— Тогда давайте действовать немедленно.

— Но, — продолжил граф, — твоё предложение пугает меня...

— Почему?

— Разве убийце следует так хоронить свою жертву?

— Господин граф, здесь нет ни убийцы, ни жертвы... есть два противника, один из которых пал в честном бою...

Граф снова покачал головой. Он был бледен и, казалось, дрожал. Кайюэ энергично продолжил:

— Господин граф, — сказал он, — вы этой ночью слабы, как ребёнок!.. — значит, это мне, — мне, вашему слуге, — следует дать вам силы, которых вам не хватает!.. — моё предложение спасает честь вашего имени...

— Это правда.

— Вы это признаёте?

— Как я могу это отрицать?

— Вы принимаете его?..

Господин де Везе всё ещё колебался.

— Вы принимаете его? — повторил Кайюэ.

— Что ж... — ответил граф с отчаянным усилием, — что ж, да.

— Тогда за дело!.. за дело!.. время не ждёт, — скоро рассветёт! не будем терять ни минуты!..

Кайюэ подошёл к трупу.

Он поднял сюртук, лежавший на земле, промокшей от дождя. Из одного из карманов этого сюртука он вытащил бумажник из чёрной шагреновой кожи, замок которого закрывался секретом.

— Господин граф, — сказал он, — вы обещали, я полагаю, передать это сыну господина де Вилёдье?..

— Да, — ответил граф, — я обещал, — и не только обещал, но и поклялся...

Кайюэ протянул руку.

— Вот этот бумажник, — сказал он.

Господин де Везе оттолкнул руку егеря.

— Вы не возьмёте это?.. — спросил тот.

— Нет.

— Что мне с ним делать?

— Оставь его себе и займись тем, чтобы его вернули.

— Хорошо.

Но как ты это сделаешь? — Если ты передашь этот бумажник... тот, кому ты его передашь, захочет узнать, как он оказался у тебя...

— Не беспокойтесь.

— Значит, у тебя есть план?

— Да, — воспользовавшись суматохой, которая возникнет после первых известий о смерти господина де Вилёдьё, я проникну в замок, войду в покои покойного виконта и положу бумажник на видное место, на какой-нибудь предмет мебели... — Одобряете ли вы меня, господин граф?

— Полностью.

— Отлично.

И бумажник исчез в одном из карманов егеря. Сделав это, Кайюэ снова взял сюртук и накрыл им грудь трупа. Затем он вошёл в заросли. Он срезал там две толстые ветки.

Из этих веток и своего карабина он соорудил что-то вроде носилок, на которые положил тело.

— Господин граф, — сказал он, повернувшись к своему хозяину, — помогите мне, пожалуйста...

Господин де Везе был разбит.

Холодный пот струился по его лбу вместе с дождём, падавшим с неба.

Он дрожал всем телом.

Однако он машинально помог Кайюэ поднять погребальные носилки.

Затем они вдвоём, нагруженные своей мрачной ношей, медленно направились к замку.

Вскоре они достигли края одного из крыльев огромного и мрачного здания.

Там они остановились.

— Подождите меня минутку, господин граф, — сказал егерь своему хозяину.

Господин де Везе не ответил и остался стоять неподвижно, как окаменевший. Кайюэ исчез во тьме. Через мгновение он вернулся. Он нёс две вещи. Глухой фонарь и связку ключей.

Господин де Везе провёл время его короткого отсутствия, мысленно повторяя с невыразимой тоской:

— Как горька месть!..

Кайюэ приоткрыл заслонку своего глухого фонаря. Он выпустил слабый луч света.

Затем одним из ключей из связки он открыл низкую дверь, которая скрывалась в углублении стены.

Эта дверь вела в фамильные склепы замка Везе.

Сделав это, Кайюэ снова взял один конец носилок.

Затем он сказал:

— Спускаемся.

Граф пассивно повиновался.

Они вдвоём прошли по подземному коридору длиной примерно двадцать-двадцать пять шагов.

В конце этого коридора находилась вторая дверь. Кайюэ открыл её так же, как и первую.

Затем хозяин и слуга вошли в огромный сводчатый зал, поддерживаемый массивными гранитными колоннами. Это был зал гробниц. Повсюду виднелись роскошные памятники из мрамора и камня. Эти памятники хранили бранные останки предков господина де Везе. Все

они спали здесь своим блаженным сном, начиная с Реджинальда Сильного, первого из рода, и заканчивая Полем-Амеде де Везе, отцом нынешнего графа.

У многих были белые статуи, лежащие в позе спокойного сна на их надгробных плитах. Эти статуи изображали доблестных рыцарей и знатных дам, опирающих свои мраморные ноги на фамильный герб. Другие изображали коленопреклонённых ангелов, возводящих к небу свои умоляющие глаза и сложенные руки и молящихся за упокой этих умерших дворян, чью безупречную жизнь защищали их небесные крылья.

Некоторые могилы, более простые, имели только белую или чёрную мраморную плиту. На этом мраморе глубокие или выпуклые буквы указывали имя и дату.

Войдя в этот зал, где оживали ушедшие века и исчезнувший род, господин де Везе невольно склонил голову.

«Мои предки, — подумал он, — пусть один из вас восстанет из своего савана и придёт ко мне от имени Бога, чтобы сказать мне, виновен я или невиновен в крови, которую пролил этой ночью!..»

И он ждал, как будто неизменные законы смерти могли на секунду измениться по его зову.

Тщетное ожидание!.. Ни один голос из могилы не ответил на его зов!..

Тем временем Кайюэ положил тело господина де Вилёдьё на плиты пола. Затем он поставил свой фонарь на основание одной из гробниц и своим ножом принялся отковыривать мраморную плиту соседней могилы.

В это время взгляд господина де Везе невольно упал на труп, лежащий у его ног.

Прекрасная голова виконта казалась ещё прекраснее и выразительнее в смерти, чем при жизни. Его лицо было бледным — той особой бледностью, которая свойственна лицам тех, кто умер от большой потери крови.

Его глаза были закрыты. Синеватый и землистый круг окружал его веки.

Господин де Везе хотел бы отвести взгляд от этого тела и этого лица. Но не мог.

Настоящее очарование, сопровождаемое необдуманным и суеверным ужасом, заставляло его созерцать это безжизненное лицо. Ему казалось, что веки виконта вот-вот поднимутся... Ему казалось, что безжизненные глаза этого мертвеца вот-вот обратятся к нему... Что эти немые губы шевельнутся, чтобы бросить ему это слово: «Убийца!»

К счастью, эта странная пытка прекратилась.

— Всё готово! — сказал Кайюэ.

И голос егеря внезапно разрушил чары. Господин де Везе вздрогнул и обернулся.

— Всё готово? — машинально повторил он.

— Да, господин граф.

Кайюэ действительно закончил свою работу. После того как он отковырнул ножом, — как мы уже говорили, — вековой цемент, он использовал ствол своего карабина в качестве рычага, чтобы поднять надгробную плиту.

У него получилось. Могила зияла, открывая свинцовый гроб, который она содержала. Рядом с этим гробом было большое пустое пространство, предназначенное, возможно, когда-то для тела мужа или брата.

— Здесь хватит места для двоих! — тихо пробормотал Кайюэ.

Затем он добавил, но уже громко:

— Господин граф, помогите мне, прошу вас...

И, говоря это, он схватил труп за ноги и поднял его. Господин де Везе оставался неподвижным.

— Помогите мне! — господин граф! — повторил Кайюэ почти властным голосом.

— Что я должен делать?.. — спросил господин де Везе, которого эта затянувшаяся ситуация подавляла.

— Возьмите это тело за плечи и сделайте то же, что и я...

Граф повиновался.

Через минуту виконт Арман де Вилёдьё лежал в могиле, которая не была для него приготовлена.

— Хорошо! — сказал Кайюэ.

Затем он добавил:

— Теперь осталось только положить эту плиту на место, и всё будет кончено, — за дело!

Господин де Везе вопросительно посмотрел на Кайюэ. Егерь понял этот немой вопрос и ответил на него.

— Поддержите плиту плечом, — сказал он, — и медленно опускайтесь... — эта плита тяжёлая, господин граф, и если мы уроним её со всей высоты, она разобьётся на тысячу осколков.

Но вместо того, чтобы выполнить манёвр, указанный Кайюэ, господин де Везе не двинулся с места... Его рот приоткрылся... Испуганные глаза расширились... Волосы, казалось, вдруг встали дыбом на его побледневшем лбу.

— Что с вами, господин граф? — что с вами? — воскликнул Кайюэ, который увидел, как его хозяин пошатнулся, и проследил за направлением его взгляда, безумного от ужаса.

Но егерь не повторил свой вопрос. Он упал на колени, испустив глухой крик.

Среди непроглядной тьмы, сгущавшейся в дальних концах погребального зала, виднелась белая тень, призрак с туманными очертаниями. Этот призрак, казалось, медленно двигался в сторону двух мужчин.

По мере того как он приближался, граф отступал на шаг, а Кайюэ, стоя на коленях на плитах пола, всё ниже и ниже склонялся, прижимаясь лицом к земле.

VII. Комната Маргариты

Наконец призрак вышел из полумрака и вошёл в круг света, образованный лучами, исходящими из глухого фонаря.

Господин де Везе следил безумным и испуганным взглядом за каждым движением этого фантастического видения. Вдруг выражение его лица изменилось. На его искажённых чертах можно было прочесть усиление изумления, а страх исчез.

Он поднёс руку ко лбу, как будто чтобы убедиться, что он действительно бодрствует и что ему не снится странный и ужасный сон. В то же время его губы зашевелились, и он хриплым голосом, похожим на голос сомнамбулы во время магнетического сна, дважды пробормотал:

— Маргарита!.. Маргарита!..

При этих словах Кайюэ поднял голову.

— Госпожа графиня!.. — воскликнул он.

И он, как змея, скользнул за могилу, рядом с которой стоял на коленях. Без сомнения, он хотел остаться невидимым свидетелем странной сцены, которую предвидел.

Та, кого оба мужчины до сих пор принимали за призрака, — кого граф назвал Маргаритой, — та, кого Кайюэ называл госпожой графиней, была действительно Маргаритой, графиней де Везе.

Закутанная в длинный пеньюар, матовую белизну которого затмевала её мертвенная бледность, — с длинными белокурыми волосами, беспорядочно падающими на плечи и густыми прядями по обе стороны лица, — молодая женщина всё ещё приближалась. Она была похожа на мертвую, завернутую в саван, но способную ходить. Она, казалось, не видела своего мужа, — казалось, не слышала его.

Её медленные, размеренные, как бы автоматические движения неуклонно приближали её к той открытой могиле, к которой её влекло непреодолимое притяжение.

Между ней и этой могилой стоял граф.

Господину де Везе нужно было либо уйти со своего места, либо молодой женщине свернуть с пути.

Это был муж, который, заворожённый, освободил проход.

Маргарита подошла к могиле. Она оперлась обеими руками на мрамор саркофага и, слегка наклонившись, посмотрела.

Рядом со свинцовым гробом лежало человеческое тело, окровавленное лицо которого ничто не скрывало от глаз.

Госпожа де Везе узнала это тело и это лицо. Она тут же выпрямилась, поднесла правую руку к сердцу, откинув голову назад, издала душераздирающий крик, который эхом повторился в подземелье. Она дважды повернулась вокруг своей оси и упала без чувств у подножия могилы.

— Горе!.. — в отчаянии пробормотал господин де Везе, — горе!.. горе!.. она умерла!.. — О! Боже мой!.. разве одной жертвы было недостаточно?..

И, охваченный настоящим приступом безумия, естественным следствием ужасных событий, которые сменяли друг друга без передышки, он наклонился, взял на руки тело своей жены и побежал через подземелье, унося Маргариту, как желанную добычу или как жертву, которую хотят вырвать у смерти.

Едва граф скрылся, как Кайюэ, в свою очередь, вышел из своего укрытия.

— Всё хорошо!.. — пробормотал он с выражением дикой радости, — всё хорошо, и Бог справедлив, ибо Бог мстит за меня!..

Затем он взял свой карабин и глухой фонарь. Он не пытался опустить мраморную плиту на могилу и направился к двери коридора, через который они с господином де Везе вошли в фамильные склепы. Егерь тщательно закрыл эту дверь. То же самое он сделал и с той, что закрывала коридор со стороны парка. Он вынул из связки ключи от этих двух дверей и положил их в карман своей охотничьей куртки. Затем поднялся по потайной лестнице, ведущей в библиотеку.

Этот добрый слуга хотел узнать, что происходит в замке, и быть в распоряжении господина де Везе на случай, если тот будет нуждаться в его услугах.

Две единственные комнаты, которые нам до сих пор довелось описать, — библиотека и спальня господина де Везе, — были, как мы знаем, грандиозными и строгими.

Личные апартаменты графини Маргариты, — в которые мы сейчас приглашаем наших читателей, — выглядели совсем иначе.

Господин де Везе во время своей женитьбы, — то есть примерно за четыре года до событий, историком которых мы являемся, — с любовью собрал в трёх комнатах, составлявших личные покои его жены, все изыски моды и все изыски роскоши.

Это событие произошло в 1816 или 1817 году. Интерьер и мебель отличались высоким качеством и отражали лучшие достижения вкуса и комфорта той эпохи.

Спальня была полностью задрапирована шёлком бледно-голубого цвета, усеянным маленькими серебряными звёздочками. Греческий орнамент, также серебряный на голубом фоне, обрамлял эту драпировку, призванную подчеркнуть цвет лица блондинки и великолепные пепельные волосы Маргариты. Мебель из лимонного дерева с чёрными прожилками, — самой правильной академической формы, — была обита тканью, похожей на ткань драпировки. Серебряный лебедь с широко раскинутыми крыльями держал в клюве кольцо, из которого струились воздушные потоки занавесок из индийского муслина, вышитых шёлком, которые драпировали кровать своими прозрачными складками. Тройная цепь из красного золота подвешивала к потолку большую и глубокую алебастровую чашу римской формы. Ночник, помещённый в эту чашу, отбрасывал ночью свой мягкий и приглушённый свет, слишком слабый, чтобы отгонять сон, но достаточный, чтобы рассеять тьму.

На камине стояли часы из драгоценной античной бронзы, найденной при раскопках Геркуланума и установленной на белом мраморном постаменте. Эта бронза изображала нимфу, собирающую в букет цветы, которые она только что сорвала. Ковёр, изготовленный на мануфактуре Обюссон и украшенный мифологическими рисунками, был толстым и мягким, как нежная шерсть ягнёнка.

Именно в эту элегантную и изящную комнату ворвался граф, неся на руках свою потерявшую сознание жену. Именно на эту кровать, окружённую облаками муслина, он положил тело, из которого, возможно, только что ушла жизнь.

Конечно, в этот момент всякая мысль о мести исчезла из души господина де Везе.

Мы могли бы даже сказать, что обида, которую он испытал, больше не существовала в нём.

В его сердце было место только для раскаяния за отказ в прощении, — для ужаса перед пролитой кровью, — для отчаяния перед лицом новой катастрофы, неминуемой, если не свершившейся.

Маргарита, всё ещё без сознания, была ледяной.

Господин де Везе набросал на неё одежду, разбросанную по мебели в комнате.

Затем он опустился на колени рядом с кроватью, и его дрожащая рука легла на левую сторону груди жены. Он искал биение сердца. Наконец, нашёл его, но такое слабое, такое прерывистое, что каждую секунду можно было подумать, что оно вот-вот остановится. Однако искра жизни ещё теплилась.

Это было много.

Господин де Везе подбежал к туалетному столику.

Он взял ароматические воды, — флаконы, наполненные самыми сильными солями, самыми резкими духами. Смочил лицо Маргариты этими водами и духами. Поднёс к её носу эти сильные соли. Это лечение оказалось не напрасным. Молодая женщина слегка пошевелилась.

Господин де Везе удвоил свои старания.

Графиня приоткрыла глаза, — приподнялась на локте, — обвела вокруг себя растерянным взглядом.

В этот момент, без сомнения, к ней вернулась мысль, а вместе с мыслью — воспоминание, а вместе с воспоминанием — боль.

Она издала слабый крик, — её голова откинулась назад, — её глаза снова закрылись, и во второй раз жизнь, казалось, покинула это тело, на мгновение оживлённое.

Господин де Везе снова применил те же средства, которые уже однажды принесли ему успех. Его упорство увенчалось таким же успехом.

Графиня пришла в себя и изменила положение; — вместо того, чтобы лежать, она как бы села на корточки на кровати; она спрятала лицо в ладонях; — она горько зарыдала, в то время как конвульсивная дрожь сотрясала её тело, и своего рода хрип поднимался из её груди.

Стоя у кровати, — с неподвижными и сухими глазами, но с истерзанным сердцем, — господин де Везе наблюдал за этим ужасным зрелищем, — созерцал это пугающее отчаяние.

Внезапно рыдания Маргариты прекратились. Она подняла своё искажённое лицо, — устремила на мужа свои заплаканные глаза и сказала, или, скорее, пробормотала:

— Я умру... — если вы не безжалостны... пошлите за священником...

— Умереть!.. — с ужасом воскликнул граф, — умереть!.. Не говорите так, Маргарита... вы не умрёте... я не хочу, чтобы вы умерли...

Молодая женщина зловеще покачала головой.

— Священника... священника... — повторила она слабым голосом, — и поторопитесь... иначе... будет слишком поздно...

Затем она снова упала, как будто все силы покинули её.

Господин де Везе понял, что ему нужно уступить этой просьбе, которая, без сомнения, была последней волей умирающей. Он отошёл от кровати и быстро направился к двери.

В тот момент, когда он уже собирался достичь этой двери, он услышал лёгкий стук в панель. Он открыл и в прихожей обнаружил Кайюэ.

— Вот ты... — пробормотал он.

— Господин граф, я беспокоился... я пришёл узнать ваши приказания...

— Мои приказания... — растерянно повторил господин де Везе, — мои приказания...

— Разве у вас нет для меня приказаний? — спросил егерь.

— Да... да... есть... есть...

— Какие?..

Граф не ответил.

В невероятном смятении его мыслей, — в буре, сотрясавшей его разум, — его память дала сбой.

— Какие приказания, господин граф? — во второй раз спросил Кайюэ.

— А! — пробормотал господин де Везе, — я вспомнил... — я вспомнил... — я вспомнил сейчас...

— Я слушаю и жду... — сказал егерь.

— Священника... — воскликнул граф.

— Священника! — для кого? — изумлённо спросил Кайюэ.

— И врача... — добавил граф, не отвечая на этот вопрос егеря.

— Священника и врача!.. — Госпожа графиня больна?..

— Больна?.. — очень больна!.. — умирает... — да, умирает... — она хочет священника... иди скорее!..

Всё это было сказано в смятении.

На грубом лице егеря появилось что-то вроде волнения, и его лицо на секунду показалось менее свирепым.

— Но, господин граф, — сказал он, — я не могу одновременно привести и священника, и врача. — Что делать?

— Беги к кюре, ты, Кайюэ... пусть он придёт, пусть придёт немедленно...

— А врач?..

— Пусть кто-нибудь из моих людей сядет на лошадь... пусть возьмёт мою лучшую лошадь... — мою собственную лошадь... — мою любимую... — Баярда... — пусть убьёт его, если потребуется, но чтобы через час он был здесь с врачом... — через час... — ты хорошо понял, Кайюэ?

— Да, господин граф...

— Если он вернётся через час... пятьдесят луидоров ему... — скажи им всем это, Кайюэ...

— Да, господин граф...

Егерь покинул своего хозяина, чтобы выполнить своё двойное поручение.

Господин де Везе вернулся в комнату Маргариты. Молодая женщина больше не плакала. Её глаза были закрыты.

Можно было подумать, что она умерла, если бы время от времени глухой стон, вырывавшийся из её губ, не свидетельствовал о том, что жизнь ещё не совсем покинула её.

Господин де Везе сел у кровати, — и стал ждать.

Едва прошло четверть часа, как в дверь снова постучали.

Граф встал и пошёл открывать. Кайюэ стоял на пороге. За ним виднелся деревенский кюре, красивый старик с самым почтенным видом, чьи серебристые волосы обрамляли лицо, отмеченное евангельской кротостью и милосердием.

— Господин граф, вот господин кюре, — сказал егерь.

— А! господин кюре; — воскликнул граф; — добро пожаловать!.. с каким нетерпением я вас ждал!

— Господин граф, — ответил старик, кланяясь, — то, что только что рассказал мне Кайюэ, причинило мне глубокую боль, невыразимый ужас... зло не так велико, как он мне предположил, не так ли? ещё есть надежда?..

— Увы! господин кюре, — пробормотал граф, — я не могу вам ответить, я как громом поражён... — идите... вы увидите, сами судите.

Господин де Везе проводил священника к кровати, затем, вернувшись, сказал Кайюэ:

— Ну?... врач?..

— Господин граф, — ответил егерь, — Жан уехал...

— На Баярде?

— На Баярде.

— Ты сказал ему убить лошадь, если потребуется?

— Да, господин граф.

— Ты обещал ему пятьдесят луидоров?

— Да, господин граф. — Жан не пощадит свою лошадь, и, как только прибудет, отдаст Баярда доктору и сам вернётся пешком...

— Хорошо. — Как только врач будет здесь, ты проводишь его...

— Господин граф, может быть, следует разбудить горничных госпожи...

— Нет... нет... нет... — с каким-то ужасом ответил господин де Везе; — никого не буди... — Подождём до последней крайности, чтобы рассказать другим о том, что происходит этой ночью...

Кайюэ не настаивал, — по крайней мере, внешне, — но он пошёл тихо предупредить любимую горничную госпожи де Везе.

Граф вернулся в комнату Маргариты.

Старый священник опустился на колени рядом с кроватью, на которой лежала молодая умирающая...

— Дитя моё, — сказал он ей, — ты позвала меня... я прихожу к тебе во имя Бога мира, любви и милосердия...

Маргарита услышала и узнала этот голос.

Она сделала усилие, чтобы подняться, — и ей это удалось, хотя и с большим трудом;

Она протянула к священнику свои сложенные руки и сказала:

— Отец мой, выслушай мою исповедь...

VIII. Украденные документы

— Говори, дитя моё, — ответил священник на последние слова Маргариты, — я слушаю тебя, и Бог слышит тебя...

Молодая женщина прерывистым и едва различимым голосом начала свою исповедь.

Эта исповедь длилась долго.

Иногда слова умирали на губах Маргариты, так и не родившись.

Иногда судорожные рыдания прерывали начатое признание.

По мере того как говорила молодая женщина, старый священник бледнел.

Когда она закончила, лицо служителя Божьего было почти таким же мертвенно-бледным, как и у графини.

Ему больше нечего было слышать.

Он произнёс над головой кающейся грешницы священные слова мира и прощения.

Затем, исполнив свою святую миссию, он пробормотал:

— А теперь, бедное дитя, мужайся и надейся... ты будешь жить для раскаяния и искупления...

Маргарита покачала головой.

— Нет, отец мой, — ответила она, — нет, я не буду жить... — я чувствую, что для меня всё кончено в этом мире... рука Божья легла на мою грешную голову... он карает меня, и я благословляю его... но мне осталось выполнить последний долг... принять последнее и торжественное искупление... предупредите, прошу вас, моего мужа... скажите ему, что я умоляю его подойти ко мне...

Старый священник плакал и не мог ответить.

Он только склонил голову, чтобы показать Маргарите, что её просьба будет исполнена.

Он подошёл к господину де Везе, который во время долгой исповеди своей жены упал на стул в глубокой нише одного из окон.

— Господин граф, — сказал он ему, пытаясь сдержать своё волнение, — госпожа графиня зовёт вас к своему смертному одру... Идите... и не забывайте, что, когда Бог простил, никто в этом мире не имеет права быть безжалостным... — Это старик, господин граф... это слуга Господа напоминает вам об этой великой и возвышенной истине... и как священник и как человек умоляет вас быть снисходительным и милосердным...

Господин де Везе поклонился старому кюре и быстро подошёл к кровати. Маргарита приподнялась, схватила его обе руки, сжала их с судорожной силой и воскликнула:

— Простите!.. простите!.. я страдаю и умираю... господин граф, простите меня!

— Я прощаю вас... бедная женщина, я прощаю вас от всего сердца... — пробормотал господин де Везе. — Но, ради Бога, Маргарита, успокойтесь и живите...

— Вы прощаете меня? — спросила молодая женщина с невыразимым удивлением.

— От всего сердца, повторяю вам...

— Просто вы, возможно, не знаете...

— Послушайте... послушайте... я хочу, я должна всё вам рассказать...

Господин де Везе хотел было прервать Маргариту, чтобы помешать ей начать бесполезный и душераздирающий для них обоих рассказ. Ему это не понадобилось.

Глаза молодой умирающей стали неподвижными.

Крик, казалось, вырвавшийся из глубины её груди, сорвался с её сжатых губ.

Её тело напряглось, и она забилась на кровати, охваченная ужасными судорогами, издавая нечленораздельные стоны.

— Что с вами? — Боже мой! что с вами? — пробормотал граф с ещё большим страхом.

Маргарита ответила только более пронзительными криками и более жалобными стонами.

В этот момент послышался быстрый топот лошади, которая резко остановилась перед крыльцом замка.

Через минуту Кайюэ ввёл врача.

Господин де Везе подбежал к нему и подвёл к кровати.

— Ради Бога, — сказал он, — что это за странная болезнь?..

— Преждевременные роды, — ответил врач, осмотрев Маргариту в течение секунды.

Достаточно, а может быть, и слишком много мы останавливались на бедствиях этой ужасной ночи.

Не стоит злоупотреблять самыми мрачными красками, которые только можно найти на палитре романиста.

Опустим завесу перед этими мрачными картинами и скажем только, что через час мучений Маргарита наконец перестала страдать и погрузилась в вечный сон, в то время как врач вручил графу де Везе новорождённого ребёнка, маленькую девочку, первого крика которой её умирающая мать так и не услышала.

Замок Вилёдые находился примерно в одной лье от замка Везе. Это жилище не обладало внушительными размерами того поместья, где до сих пор происходили события нашей истории. Это был небольшой готический замок, к которому были пристроены более поздние сооружения и который возвышался на берегу Луары посреди великолепного леса.

Виконт Арман де Вилёдые жил в этом прекрасном поместье круглый год.

Когда-то он был женат на женщине, к которой испытывал только самую холодную дружбу, без малейшей примеси любви.

После двух лет спокойного, но несчастливой союза виконтесса умерла, оставив своему мужу сына нескольких месяцев от роду.

С тех пор прошло шесть лет.

Ребёнка звали Люсьен.

Господин де Вилёдые сосредоточил всю свою любовь на этом сыне, до того дня, когда его сердце охватила страстная любовь к графине де Везе. Эта любовь, — долгое время безнадёжная, а затем разделённая Маргаритой, — принесла отравленные плоды.

Мы только что стали свидетелями зловещей развязки драмы прелюбодеяния.

А теперь мы, как ночной вор, прокрадёмся к замку Вилёдые, примерно через час после смерти графини Маргариты.

Ураган полностью утих, но ночь всё ещё оставалась тёмной.

Едва ли на востоке бледная полоса, прорезавшая чёрное небо, возвещала о том, что рассвет скоро прогонит тьму. Внутри замка всё было тихо.

Маленький Люсьен и его наставник спокойно спали в двух смежных комнатах.

Слуги, которых раскаты грома держали на ногах большую часть ночи, отдыхали в своих помещениях.

Только лошади, — обеспокоенные долгим отсутствием двух своих товарищей, — били копытами и ржали в конюшнях.

В этот момент из леса вышла человеческая фигура и направилась к замку.

Эта фигура двигалась осторожно.

Очевидно, у ночного путника были самые веские причины желать оставаться незамеченным.

Впрочем, судя по тому, что мы только что сказали о крепком сне всех обитателей замка, страх перед встречей был беспочвенным.

Пришелец, — который, как вы уже догадались, был никто иной, как егерь Кайюэ, — с бесконечными предосторожностями добрался до одной из изящных башен, которые фланкировали старый замок.

В этой башне была небольшая дверь, которую Кайюэ, казалось, прекрасно знал, — чему мы не должны удивляться, поскольку господа де Везе и де Вилёдые обычно охотились вместе, то встречи происходили то в одном, то в другом замке; и слуги графа были тесно связаны со слугами виконта, которых они часто навещали.

Принимая это во внимание, будет вполне понятно, что Кайюэ так хорошо знал особенности поместья Вилёдые.

Егерь избавился от двух предметов, — один из которых он нёс на плече, а другой держал в руке.

Это были глухой фонарь, с которым он спускался в фамильные склепы Везе, — и довольно большой холщовый мешок.

Этот мешок, — когда Кайюэ поставил его на землю, — издал металлический звук.

Егерь развязал верёвку, которая стягивала его горловину. Он вынул из него несколько предметов, в том числе железный лом длиной три фута и толщиной в дюйм. Вставил конец этого лома между порогом и дверью башни и, используя его как рычаг, своей геркулесовой силой выбил дверь из петель.

Сделав это, он положил лом обратно в мешок, взял свой фонарь, вооружился двумя или тремя предметами, о которых мы упоминали, и вошёл во винтовую лестницу, для которой стены башни служили как бы футляром.

На уровне первого этажа находилась закрытая дверь.

Кайюэ направил луч света из своего фонаря, затем с помощью отвёртки отвинтил замок и открыл дверь. Прошёл через две или три комнаты и наконец добрался до покоев виконта Армана.

В спальне стоял небольшой письменный стол, заваленный книгами и бумагами.

Кайюэ сел за этот стол и вытащил из кармана бумажник из чёрной шагреновой кожи, который он должен был доставить в замок Вилёдые. Без особого труда нашёл секрет замка и просмотрел содержимое бумажника.

Как и говорил виконт, в нём были только семейные документы.

Кайюэ положил их обратно в футляр, который поставил на стол, и больше не обращал на них внимания.

Но он ещё не закончил то, что задумал. Какая-то причина, пока нам неизвестная, побудила его осмотреть ящики стола, за которым он сидел.

С помощью щипцов и зубила он взломал первый из этих ящичков. Случайность привела к тому, что в этом ящике оказались ключи от остальных. Эта находка избавила егеря от долгой и трудной работы. Он по очереди открыл и осмотрел все ящики.

В одном из них находилась значительная сумма золотом и банкнотами.

Кайюэ не притронулся ни к одному наполеондору, ни к одной банкноте и продолжил свои поиски.

В конце концов, он обнаружил очень маленькую пачку бумаг, сложенных в виде писем и перевязанных лентой огненного цвета.

Егерь развязал эту ленту, — разложил пачку, осмотрел почерк, прочитал несколько строк и издал, или, скорее, подавил возглас торжества.

— Вот то, что мне было нужно!.. — пробормотал он. — Это и богатство, и месть!

Затем он сделал всё возможное, чтобы вернуть всё в первоначальное состояние.

С замечательным искусством он стёр следы своей ночной вылазки.

Наконец, он покинул покои Армана де Вилёдые, забрав с собой только эту маленькую пачку, перевязанную лентой огненного цвета, находке которой он, казалось, придавал такое большое значение.

Он снова прошёл через пустые комнаты, закрывая за собой двери. Спустился по крутым ступеням винтовой лестницы. Навесил на распаханные петли массивную дверь башни и быстрым шагом направился к замку Везе.

Сомнительные сумерки, которые сменяют тьму и предшествуют дню, начали окрашивать поля и леса своими неопределёнными оттенками.

Вскоре восходящее солнце должно было залить лучезарным светом всю эту великолепную природу после ночи бурь и мрачных ужасов.

Когда Кайюэ добрался до замка, ему сказали, что господин де Везе уже два или три раза спрашивал о нём.

Егерь поспешил подняться в комнату своего хозяина.

Граф, полностью одетый, лежал на диване. Он не спал.

Его измождённые черты, его потухший взгляд ясно выдавали полное опустошение всего его существа.

Два часа назад он вышел из комнаты, где лежала покойница, — оставив старого священника молиться у кровати, где покоилось тело Маргариты, завернутое в саван.

В тот момент, когда вошёл егерь, в глазах господина де Везе на мгновение вспыхнул свет.

— Господин граф спрашивал обо мне? — произнёс Кайюэ.

— Да...

— Я к услугам господина графа...

— Кайюэ, мне нужно многое тебе сказать...

— Я слушаю и жду...

— Но сначала убедись, что эти двери закрыты... никто не должен нас слышать.

Егерь выполнил приказ своего хозяина.

— Всё плотно закрыто, — сказал он затем, — господин граф может говорить без опасений...

— Откуда ты идёшь, Кайюэ?.. — спросил господин де Везе.

— Я только что выполнил приказания господина графа.

— Мои приказания?.. разве я отдавал какие-то приказания?

— Конечно...

— Какие?..

— Бумажник, — просто сказал Кайюэ.

Граф вздрогнул.

— А! бумажник, — повторил он, — я вспомнил...

Затем он добавил:

— Ну и?

— Сделано.

— Ты отдал его?

— Да.

— Куда?

— На письменный стол покойного господина виконта.

— Как ты это сделал, Кайюэ?

— Это очень просто...

И егерь рассказал подробности той вылазки, о которой мы знаем, не говоря, конечно, ни слова о бумагах, которые он похитил.

— Но, — спросил господин де Везе, — твой план этой ночью состоял в том, чтобы подождать, прежде чем проникнуть в замок Вилёдые, пока известие о вероятном несчастье не посеет смятение и беспорядок во всех умах и не дезорганизует службу... — Разве я ошибаюсь, и разве ты не говорил мне этого?

— Я действительно говорил это, господин граф, но с тех пор я подумал...

— О чём?

— О вероятности немедленного наложения печатей, что сделало бы совершенно невозможным осуществление задуманного... Я подумал, что лучше действовать немедленно, и, как видите, я был прав, поскольку мне это удалось...

Господин де Везе одобрительно кивнул.

— Это всё, что хотел от меня господин граф? — продолжил Кайюэ.

— Нет.

— Что ещё?

Какая-то дрожь пробежала по рукам господина де Везе.

Его губы зашевелились, как будто он хотел что-то сказать, — но ни звука не сорвалось с них.

Очевидно, то, что граф собирался сказать, касалось какого-то ужасного, — даже пугающего, — беспокойства, потому что в его безумном взгляде читался страх.

IX. Предложение

Наконец, он, казалось, принял решение.

Он сделал последнее усилие и пробормотал:

— Кайюэ...

— Господин граф?

— Могила... Кайюэ... эта могила?.. ты знаешь?

— Ну?

— Ты положил мраморную плиту на место?

— Как я мог это сделать, господин граф? — у меня не было сил одному удержать эту плиту и помешать ей разбиться при сильном и неизбежном падении.

— Значит, могила осталась открытой?

— Да, господин граф.

— Значит, всё, что мы предприняли, чтобы стереть следы пролитой крови, теперь бесполезно?..

— Почему же, господин граф?

— Потому что первый человек, который войдёт в фамильные склепы, увидит труп виконта, и тогда подумают не о дуэли... а об убийстве...

— Этого легко избежать.

— Как?

— Нужно, чтобы никто не мог войти в склепы, — и я позаботился об этом... — даже не зная ваших намерений...

— Ты позаботился?

— Да, господин граф.

— Каким образом?

— Час назад я бросил в Луару дубликаты ключей от обеих дверей...

Граф печально покачал головой.

— Ты забыл только об одном, Кайюэ...

— О чём, господин граф?

— О том, что моя жена умерла этой ночью, и мои предки ждут её в усыпальнице, где должны покоиться все, кто носил или будет носить моё имя...

Это замечание, казалось, сначала смутило егеря.

Но он был находчивым человеком и быстро нашёл способ обойти это затруднение.

— Господин граф, — сказал он через мгновение, — не забывайте, что в свой последний час госпожа графиня сообщила вам свою последнюю волю.

— Мне!.. — воскликнул господин де Везе,

— Вам самому, господин граф.

— И эта воля?..

— Эта воля — быть похороненной не рядом с вашими предками, под мрачными и ледяными сводами, а на деревенском кладбище, под зелёным мхом и цветущими цветами...

— Ты что, бредишь, Кайюэ?

— Ни в коем случае, господин граф.

— Эту волю, о которой ты говоришь, госпожа графиня не выражала...

— Вы так думаете?

— Я уверен.

— Возможно, вы правы, но какая разница?.. — мёртвые больше не говорят. — Госпожа графиня не придёт, чтобы вам возразить...

— Да, но моя совесть, Кайюэ?..

— Ваша совесть, господин граф?..

— Она бунтует при мысли о том, что я припишу холодным губам мёртвой слова, которых она не произносила...

— В таком случае, господин граф, и если ваша совесть настолько непреклонна, я не вижу никакого способа избежать того, что вас пугает, и помешать кому-либо войти в склепы... — Всё, что мы можем сделать, это войти туда первыми и закрыть эту могилу...

Господин де Везе побледнел ещё больше.

— Я лучше умру сейчас же, — пробормотал он, — чем снова оказаться, пусть даже на секунду, перед этим трупом...

— Тогда, господин граф, решайтесь... Хорошо подумайте над тем, что я вам предлагаю, и вы увидите, что это самая невинная вещь на свете... — Какая разница для мёртвых, прошу вас, спать вечным сном под камнем или под дёрном?..

Граф не мог долго сопротивляться... Он ещё немного поспорил, а затем уступил.

— Это всё, что господин граф хотел мне сказать? — спросил Кайюэ во второй раз с начала своей беседы с хозяином.

И, также во второй раз, граф, в свою очередь, ответил:

— Нет, ещё не всё...

Кайюэ сделал жест, означавший:

— Я слушаю...

Господин де Везе начал так:

— Ты предан мне, не так ли, Кайюэ?

Егерь, не ожидавший этого вопроса, вздрогнул.

— Предан? — повторил он через мгновение. — Я думал, что уже не раз доказывал это господину графу... и этой ночью тоже...

— Поэтому я не сомневаюсь... я спрашиваю, потому что мне приятно снова услышать от тебя подтверждение твоей привязанности...

— Она искренняя и глубокая, господин граф!

— Я знаю. — Но что, если понадобится ещё раз доказать её?

— Я не колеблясь это сделаю.

— Что бы для этого ни потребовалось?

— Что бы ни потребовалось, — да, господин граф.

— Никакая жертва не будет для тебя слишком большой?

— Никакая.

— Даже расставание со мной?

Кайюэ снова вздрогнул.

— Расстаться с вами, господин граф!.. — пробормотал он.

Граф утвердительно кивнул.

— Надолго? — спросил егерь.

— Навсегда.

Кайюэ не ответил.

— Ну!.. — сказал господин де Везе после минутного молчания, — ты молчишь?..

Егерь долго и проницательно смотрел на своего хозяина.

— Вы говорите серьёзно, господин граф? — спросил он затем,

— Да.

— Подумайте, я люблю эту страну!.. — Я здесь родился, — здесь вырос, — надеялся здесь умереть...

— Я всё это знаю, но я также знаю, что там, где нет жертвы, нет и преданности.

— Это справедливо. — В конце концов, господин граф, у вас есть причина желать моего отъезда?..

— Есть.

— Могу я её узнать?

— Слушай, Кайюэ, я буду говорить с тобой откровенно... — Ты старый слуга, и я люблю тебя, но ты здесь лишний...

— Почему?

— Потому что ты знаешь тайны ночи, которая только что закончилась... потому что ты единственный, кому известны мой позор и моя месть... — потому что, наконец, твоё присутствие, если ты останешься, будет постоянно беречь рану, которая кровоточит в моём сердце... — Ты понимаешь меня, скажи, Кайюэ?

Егерь мрачно опустил голову.

Затем, через несколько секунд, он ответил:

— Я понимаю вас...

— И ты считаешь, что я прав?

— Да.

— Значит, ты уедешь?

— Уеду.

Граф взял руку Кайюэ и ласково сжал её в своих, — на что егерь, казалось, отреагировал довольно слабо. Затем господин де Везе продолжил:

— Мне не нужно добавлять, что моё покровительство будет сопровождать тебя везде, и что я обеспечу твоё благополучие...

— А! — сказал Кайюэ.

— Я собираюсь дать тебе сумму, достаточную для того, чтобы начать выгодное дело.

— Куда вы хотите, чтобы я поехал? — спросил Кайюэ.

— Да куда хочешь... в Америку, например, в Бразилию или в Великую Индию...

— Похоже, — пробормотал егерь, — похоже, вы хотите, господин граф, чтобы между нами был океан?..

— Так было бы лучше.

— Хорошо. — Две или три тысячи лье больше или меньше, какая разница?.. Когда мне нужно уехать?..

Граф заколебался.

— Беременность Сюзанны ещё не настолько велика, чтобы она не могла путешествовать? — спросил он затем.

Глаза Кайюэ сверкнули тем же мрачным огнём, который мы уже не раз отмечали.

— Господин граф, — резко ответил он, — Сюзанна сделает то, что я ей скажу... не беспокойтесь о ней.

Удивлённый тоном, которым были произнесены эти слова, господин де Везе с тревогой взгляделся в лицо Кайюэ.

Но это лицо уже снова приняло маску бесстрастности.

— Ну что ж, — продолжил граф, — мне кажется, ничто не мешает тебе уехать уже сегодня?

— Абсолютно ничто.

— Тебе не нужно ничего готовить?

— Ничего.

— Я дам тебе пятьдесят луидоров на дорожные расходы до Нанта, и, кроме того, перевод на двадцать тысяч франков, оплачиваемый по предъявлении у моего банкира в Нанте... — Этого тебе хватит?

— Более чем.

— Ты сможешь сесть на корабль в Нанте или в Пембёфе. — К тому же, как только ты прибудешь к месту назначения и обоснуешься в стране, которую выберешь, если тебе понадобятся ещё деньги, ты напишешь мне, и я пришлю тебе суммы, которые ты запросишь.

— Хорошо, господин граф...

Господин де Везе открыл ящик.

Он вручил Кайюэ свёрток с золотом, затем написал и подписал перевод на двадцать тысяч франков, который егерь положил в свой бумажник.

— Я не благодарю вас, господин граф, — сказал он затем, — потому что я предпочёл бы остаться бедным в этой стране, чем увезти ваши деньги куда-то ещё, но раз уж это нужно для вашего спокойствия, я уезжаю... — Через час я покину замок, и вы больше меня не увидите...

Затем между хозяином и слугой состоялось прощание, — ласковое со стороны одного, — холодное и мрачное со стороны другого.

Едва Кайюэ вышел из комнаты господина де Везе и закрыл за собой дверь, как он пробормотал сквозь зубы тоном, ненавистную горечь которого мы не можем передать словами:

— Я уезжаю!.. но между нами ещё не всё кончено, господин граф!.. — мы ещё увидимся!.. когда? я не знаю, — но слишком скоро для вас...

Через час после этого Кайюэ действительно покинул замок и страну, — но он уехал один, — бросив свою молодую жену.

В то же утро две ошеломляющие новости, одна неожиданнее другой, разнеслись по всей округе с поистине электрической быстротой.

Первая из этих новостей была о печальной и преждевременной кончине молодой и прекрасной графини де Везе, скончавшейся при рождении недоношенной девочки.

Вторая — гораздо более странная, гораздо более необъяснимая — сообщала о трагической гибели виконта Армана де Вилёдые, поглощённого водами Луары вместе со своим верным слугой.

Три трупа были выброшены на берег рекой: труп слуги и трупы лошадей.

Что же касается тела господина де Вилёдые, то его так и не нашли!

Эта катастрофа сильно взволновала общественное мнение, главным образом из-за непрозрачности тайны, которой она была окутана.

Действительно, накануне вечером виконт покинул своего сына и его наставника, объявив, что возвращается в свои покои, и не сказав ни слова, что могло бы навести на мысль о ночной поездке;

Кроме того, конюхи не были предупреждены о том, что им придётся седлать двух лошадей, и только на следующее утро они обнаружили, что две стойла пусты.

Зачем эта таинственная поездка в ночь ужасного урагана? Откуда ехал господин де Вилёдые в тот момент, когда смерть преградила ему путь и непреклонным голосом сказала:

— Дальше ты не пройдёшь!..

Многие задавались этими вопросами. Но никто не смог на них ответить.

Похороны графини Маргариты де Везе состоялись на следующий день с большой торжественностью и в присутствии бесчисленного множества родственников и друзей, съехавшихся со всех концов провинции. Впрочем, равнодушных сердец там не было.

Чтобы исполнить одно из последних желаний, высказанных умирающей своему мужу, графиня, вместо того чтобы быть похороненной в фамильных склепах замка, была предана земле на деревенском кладбище, усеянном скромными надгробными плитами и маленькими чёрными деревянными крестами.

Глаза всех присутствующих наполнились слезами, когда на этот гроб, в котором навсегда уснула эта прекрасная молодая женщина, ещё несколько дней назад полная жизни и надежд, — грации, — и — как говорили — добродетели, упали первые комья земли.

Люди, считавшие себя философами, произнесли по этому поводу несколько очень разумных и убедительных афоризмов о бренности человеческого существования. — Они, казалось, были наименее опечалены из всех. — Сознание своей философии утешало их.

Горе господина де Везе было молчаливым и сдержанным.

Кормилица, вызванная в замок, кормила своим молоком бедную маленькую сироту.

Х. Двойное объяснение

В той точке нашего повествования, которой мы достигли, мы должны дать нашим читателям двойное объяснение.

Мы должны рассказать, как получилось, что госпожа де Везе оказалась в фамильных склепах как раз в тот самый момент, чтобы увидеть, лежащее в открытой могиле тело Армана де Вилёдые, которое, без сомнения, секундой позже тяжёлая мраморная плита должна была закрыть навечно.

Мы также должны раскрыть причины той глубокой ненависти, которую егерь Кайюэ питал в своём сердце к господину де Везе, вместо тех чувств привязанности и преданности, в которые так твёрдо верил граф.

Мы собираемся — как можно короче — выполнить эту двойную задачу.

В течение всего времени своего последнего свидания с господином де Вилёдые Маргарита де Везе чувствовала себя охваченной тем беспричинным, но острым и мучительным беспокойством, которое является терновым венцом прелюбодеяния.

В могучих голосах бури несчастная женщина слышала угрозу разгневанного Бога.

Когда её любовник покинул её, чтобы вернуться в замок Вилёдые, — когда он уехал под перекрёстным огнём молний, под удвоенными ударами грома, — всё более зловещее предчувствие овладело душой графини.

С каждой минутой, с каждой секундой это предчувствие усиливалось.

Маргарита дошла до того, что убедила себя в невозможности того, чтобы с господином де Вилёдые не случилось несчастья.

Только каким будет это несчастье?

Графиня не знала.

Бедная женщина и не думала возвращаться в постель. — Закутанная в длинный белый пеньюар, она подошла к одному из окон и прислонилась пылающим лбом к стеклу, упорно глядя в ту часть тьмы, в которой исчез виконт.

Так прошло довольно много времени.

Внезапно Маргарита издала слабый крик и, чтобы не упасть, вынуждена была опереться обеими руками на оконную защёлку.

Мутный свет молнии позволил ей мельком увидеть двух мужчин, несущих на носилках ношу странной формы.

В одном из этих мужчин ей показалось, что она узнала своего мужа.

Но видение было слишком мимолетным, чтобы это сомнение могло превратиться в уверенность.

Человеческая душа, — нельзя отрицать, — обладает, даже помимо спорных явлений магнетизма, своего рода таинственным вторым зрением, проницательность которого иногда становится поразительной благодаря сильному моральному возбуждению.

Эта проницательность заменила госпоже де Везе то, что она не смогла увидеть глазами. Она осознала, — скажем лучше, убедилась, — что эта ноша, которую несли на носилках, была трупом господина де Вилёдые.

Это ошеломляющее открытие, вместо того чтобы вызвать у графини нервный припадок, проявившийся во взрыве слёз и криков, напротив, привело к своего рода сомнамбулическому состоянию.

Маргарита, — не отдавая себе отчёта в том, что делает, — вышла из своей комнаты, — прошла по тёмным коридорам и мрачным лестницам, — вышла в сад и начала ходить вокруг замка. Она шла наугад.

Её шаг был медленным, размеренным, — автоматическим, — если можно так выразиться. Необъяснимое оцепенение овладело её душой и телом. Она не знала, где находится, — не знала, что ищет.

Если бы в этот момент кто-нибудь оказался перед ней, она бы его не увидела.

Если бы кто-нибудь заговорил с ней, она бы его не услышала.

Так она дошла до входа в фамильные склепы.

Двери подземного коридора были оставлены открытыми Кайюэ и господином де Везе.

Маргарита, пассивно подчиняясь инстинкту, который сам себя не осознавал, вошла в коридор.

По мере того, как она продвигалась вперёд, до неё доносился слабый свет, но не попадал в её глаза.

Вскоре она предстала перед господином де Везе и Кайюэ как видение из потустороннего мира.

Наконец, она достигла круга света. Она направилась прямо к открытой могиле и, узнав окровавленное тело виконта, на мгновение пришла в себя, чтобы тут же снова потерять сознание.

Мы знаем остальное.

За несколько месяцев до того дня, с которого мы начали свой рассказ, в замке Везе собралось много гостей.

Графиня Маргарита только что уехала на месяц к своей семье в Берри, и граф, временно оставшийся один, собрал около двадцати своих друзей на завтрак, который предшествовал большой охоте, за которой должен был последовать обильный ужин.

Завтрак затянулся.

Лошади и собаки ржали и лаяли на площади рядом с замком, в то время как задержавшиеся гости всё ещё осушали бокалы с анжуйским вином.

Наконец, немного выродившиеся правнуки Нимрода почти с сожалением решили оставить бутылки и сесть в сёдла. Предстояло загнать оленя.

Охота была великолепной. Животное, после шести часов бега, подобного бегу фантастического коня из баллады Бюргера, в своём бегстве вернулось назад и, измученное усталостью, бросилось в воду небольшого пруда, расположенного в четверти лье от ворот парка.

После последней попытки сопротивления, героической, но бесполезной, бедный олень, окружённый собаками, был добит выстрелом из карабина, который сделал господин де Везе.

Рога, которые только что протрубили аллилуйя, протрубили смерть, а затем, сразу же после этого, — разделка.

Дровосеки и угольщики сбегались со всех концов леса, чтобы посмотреть на это прекрасное и волнующее зрелище. Этих любопытных было человек двадцать пять или тридцать. Среди них было несколько женщин.

Разделка подходила к концу, когда господин де Везе почувствовал, что чья-то рука легла ему на плечо.

Эта рука принадлежала дворянину лет шестидесяти, — старому холостяку, очень богатому, которого звали шевалье де Люси и которому чрезмерная легкость нравов снискала печальную известность во всей округе.

Отцы и мужья закрывали своих жён и дочерей, как только издалека замечали шевалье, его охотничий костюм с чеканными пуговицами, его хлыст с роговой рукояткой и его большую пегую кобылу англо-нормандской породы.

Эти мудрые предосторожности не помешали господину де Люси, если верить слухам, наплодить справа и слева почти столько же бастардов, сколько Людовик Возлюбленный, пятнадцатый по счёту, королевской и любвеобильной памяти, — или добрый король Ивето, эта другая не менее знаменитая особа:

Дочерям добрых семей,
Как он умел угождать,
Его подданные имели сто причин
Называть его отцом.
Шевалье был высок и худ.

Его крючковатый нос, — выступающий лоб, — живые, очень светлые серые глаза и чувственные губы придавали ему заметное сходство с сатирами, какими их изображают скульпторы и художники.

Мы знаем, что в нравственном отношении его сходство с этими развратными полубогами было ещё более разительным.

Господин де Люси, — как мы уже говорили, — коснулся плеча господина де Везе.

— Что вам угодно, шевалье? — спросил его последний.

— Я хочу вам кое-что показать.

— Что же?

— Самую красивую девушку во Франции и Наварре, мой дорогой граф.

Господин де Везе рассмеялся.

— Всё тот же! — воскликнул он.

— Чёрт возьми!..

— Вы думаете только о красивых девушках...

— И о красивых женщинах, мой друг. — Вне этого нет спасения!..

— Еретик!.. — сказал граф, всё ещё смеясь.

— Купидон — мой Бог, и никогда у него не было более ревностного поклонника...

— Это правда, потому что вы не упускаете ни одной возможности воскурить фимиам на его алтарях... В конце концов, вы утверждаете, что только что обнаружили чудо?..

— Кусочек короля, мой дорогой граф!..

— В этом лесу?

— В двух шагах отсюда...

— Какая-нибудь лесная нимфа, значит?..

— Лесная нимфа в ситцевом корсаже, в сабо и круглом чепчике...

— Крестьянка?..

— Крестьянка или принцесса, неважно, но это Венера!.. да, сама Венера!..

Ничто не было более забавным, чем мифологический энтузиазм старого распутника.

Его глаза сверкали,

Его выдающийся нос колебался от вожделения.

Он чувственно водил кончиком языка по губам, как гурман, учуявший трюфели.

Господин де Везе улыбался, глядя на все эти ужимки престарелого Фобласа.

— Ну что ж, мой дорогой шевалье, — сказал он наконец, — покажите мне Венеру, раз уж это Венера... я не прочь узнать, что у меня в владениях есть богини!..

Господин де Люси взял графа под руку, говоря:

— Идёмте.

Он отвёл его на десяток шагов от группы охотников и, указав рукояткой своего хлыста на молодую крестьянку, которая, немного в стороне от дровосеков и угольщиков, стояла, прислонившись к стволу берёзы на берегу пруда, добавил:

— Посмотрите и скажите, что вы о ней думаете...

— Чёрт возьми!.. — невольно воскликнул господин де Везе.

Шевалье улыбнулся с торжествующим видом и пробормотал сквозь зубы:

— Мы разбираемся, мой дорогой!.. — привычка!.. большая привычка!.. — не говоря уже о том, что у нас безупречный вкус!.. — Мы разбираемся, чёрт возьми!..

Тем временем господин де Везе не мог оторвать взгляда от этой крестьянки, на которую шевалье обратил его внимание.

XI. Сюзанна

Нельзя отрицать...

Как мы только что слышали из его собственных уст, старый шевалье де Люси был дворянином с безупречным вкусом и большим умением находить красивых девушек.

Только его анакреонтические и мифологические сравнения грешили неточностью.

Молодая крестьянка, которую он только что представил вниманию графа де Везе, была восхитительно красива, но не имела ни малейшего сходства с легкомысленной супругой хромого Вулкана.

Когда Венера, Афродита, вышла обнажённой из морской пены, её длинные волосы, с которых стекали капли солёной воды и жемчужины, приобрели свой золотой цвет от лучей восходящего солнца. Венера была блондинкой.

Найдите хоть одного художника, — хоть мазила, хоть мастера, — чья смелость дошла бы до того, чтобы окрасить в чёрный цвет слоновой кости, битума или жжёной сиены выющиеся локоны богини Киферы!..

Весь Институт отшатнулся бы от ужаса!..

Даже Делакура, — несмотря на свою пылкую смелость, — мы уверены, заколебался бы перед такой попыткой.

А крестьянка, о которой идёт речь, была брюнеткой, — брюнеткой, как наступающая ночь, — брюнеткой, как дочь Аравии, — брюнеткой, как андалузка Мюссе.

Её волосы были чёрными.

Её брови — чёрными;

Её глаза — чёрными;

Её кожа — золотистой.

Её тонкая и гибкая талия с удивительной непринуждённостью изгибалась под грубой тканью её корсажа.

Её маленький чепчик из грубого полотна едва мог вместить роскошное изобилие её мягких и блестящих волос с голубоватым отливом.

Её загорелая рука была очаровательной формы.

Её маленькие сабо, — наполовину закрытые квадратом овечьей шкуры, — были слишком велики для её маленьких ног.

Короче говоря, это была восхитительная девушка, — чудесное создание...

Но Венера, нет!.. десять раз нет!..

Господин де Люси, казалось, наслаждался несколько секунд, наблюдая за восхищением, которое он вызвал у графа де Везе.

Затем, коснувшись локтя своего собеседника и подмигнув, он сказал:

— Ну?..

— Очень красивая!.. — ответил господин де Везе, — о! очень красивая!...

— Не правда ли?.. — Но, мой дорогой, вы должны её знать...

— Я вижу её впервые.

— Правда?

— Уверяю вас.

— Это удивительно!..

— Почему?

— Потому что, как вы только что сказали, мы находимся в ваших владениях, и это сельское божество должно быть дочерью кого-то из ваших фермеров, дровосеков или угольщиков...

— Это возможно, — даже вероятно, — но я не претендую на то, чтобы знать в лицо всех этих людей, которые населяют мои земли и леса...

— Большая ошибка, мой дорогой!.. — вот доказательство!.. — чёрт возьми!.. когда у тебя есть сокровище, нужно знать о нём... — а! головокружение!.. — как говорил мой прадед!.. — а! головокружение!.. если бы эта девушка была одной из моих вассалок!..

— Вы бы воскресили в 1820 году самый весёлый из сеньориальных прав? — спросил господин де Везе, смеясь.

— Честное слово, да, — и, слово чести, я бы сделал её крепостничество очень приятным для этой хорошенькой плутовки!.. — но, здесь, мой дорогой граф, мы у вас в гостях, и я не позволил бы себе охотиться на ваших землях...

Господин де Везе всё ещё смотрел на девушку, которая, будучи очень занята кюре, не замечала пристального внимания, объектом которого она являлась.

— Я должен, — вдруг пробормотал граф, — я должен узнать имя этого прекрасного создания...

И зычным голосом он позвал:

— Эй! Ла Раме!.. сюда...

Ловчий в ливрее графа отделился от группы охотников и поспешил к своему хозяину.

Крестьянка, услышав голос господина де Везе, вздрогнула, вся покраснела, но не сдвинулась с места, которое занимала у ствола берёзы.

— Ла Раме, — сказал господин де Везе ловчему, указывая на крестьянку, — ты знаешь эту девушку?..

Ловчий посмотрел в ту сторону, куда указывал жест его хозяина:

На его губах появилась злобная улыбка, — улыбка, тут же подавленная.

— Знаю ли я её, господин граф? — ответил он, — да, конечно, — я прекрасно её знаю.

— Как её зовут?

— Сюзанна, господин граф.

— Её фамилия?

— Гийо. — Сюзанна Гийо.

— Её отец не один ли из моих дровосеков?

— Он был им, господин граф.

— Как, был? — Разве он им больше не является?

— Бедняга умер два года назад.

— Где сейчас живёт эта девушка?

— В двухстах шагах отсюда, господин граф; — вот крыша её хижины, вон там, справа, под деревьями.

— С кем она живёт?

— Одна.

— Одна! — повторил господин де Везе.

— Боже мой, да! господин граф, — её мать похоронили ещё до смерти её отца, — у неё нет ни братьев, ни сестёр, никаких родственников...

— Но на что она живёт? у неё ничего нет...

— У неё есть две руки, господин граф. Она работает на дровосеков и угольщиков...

— Бедная девушка!.. — тихо пробормотал господин де Везе.

Затем он громко спросил:

— Она благоразумна?

На губах ловчего снова появилась ироничная улыбка.

— Благоразумна? господин граф, — ответил он затем, — говорят, что да... — но, чёрт возьми! такой красивой девушке повезло...

Господин де Везе не хотел больше ничего знать. Он отпустил Ла Раме.

Ловчий удалился с хитрым и злорадным видом. Откуда взялось это злое доведение? Скоро мы это узнаем.

Старый шевалье де Люси слушал предыдущий разговор, покачиваясь на своих худых, как у цапли, ногах и играя роговой рукояткой своего охотничьего хлыста.

— Мой друг, — сказал он господину де Везе с усмешкой фавна, — я прекрасно знаю, о чём вы думаете...

— Вы знаете, о чём я думаю? — спросил граф...

— Да, чёрт возьми!

— Ну, так скажите...

Шевалье в ответ принялся напевать всем известную мелодию о праве первой ночи.

Господин де Везе пожал плечами.

— Мой дорогой шевалье, — сказал он затем, — вы, который всё знаете, должны помнить, что я женат и люблю свою жену...

— Э! чёрт возьми! какая разница? — возразил старый распутник. — Плох тот петух, который довольствуется одной курицей!..

На этом разговор закончился.

Сюзанна Гийо только что скрылась за деревьями, чтобы вернуться в свою хижину.

Охота закончилась.

Гости господина де Везе и сам граф сели на лошадей и направились к замку.

В тот момент, когда мы возвращаемся к нашим персонажам, было десять часов вечера.

Столовая сверкала огнями.

Ужин подходил к концу, — крепкие вина, немного слишком щедро разлитые, вскружили самые здравомыслящие головы и вывели из равновесия самые твёрдые умы.

Господин де Везе только что отпустил слуг, чтобы их отсутствие дало разговору полную свободу и даже всю желаемую распушенность.

Итак, эти добрые дворяне, развеселённые испанскими винами, отводили душу.

Рассказы об охоте, — обязательное дополнение к любой трапезе охотников, — сменились непристойными анекдотами, пикантными историями, весёлыми приключениями.

Каждый из этих почтенных туренцев, если им верить, был потомком Ловеласа, — дальним родственником Фобласа, — прямым наследником дон Жуана.

Там были превосходные мужья, — почтенные отцы семейств, давно оставившие позади зелёные безумства юности, сопровождавшие по воскресеньям и праздникам своих жён и дочерей на большую мессу в церкви своей деревни и своим благочестивым поведением назидавшие крестьян и фермеров своих владений.

Что ж! именно они, — люди патриархальных нравов, если таковые вообще существовали, — с помощью хереса, роты и пакаreta с наибольшим воодушевлением рассказывали самые непристойные шутки.

В этой оргии слов шевалье де Люси чувствовал себя в своей стихии.

Его прочно устоявшаяся репутация безнравственного человека и сказочное количество его бастардов давали ему все права на самое неоспоримое превосходство.

Его слушали с уважением. Каждое его слово встречали аплодисментами. Он восседал на троне!..

Один среди всех своих гостей господин де Везе не принимал никакого участия в этой разнузданной вакханалии.

Не то чтобы он был более трезвым, чем его сотрапезники. Не то чтобы он проявлял в подобных случаях смешное ханжество. Но его мысли были далеко.

Где же? Э! Боже мой, почему бы нам не сказать об этом?
«Пусть тот, кто без греха, первый бросит в неё камень!...»

Его мысли блуждали по лесу, — под берёзами, — по зелёным берегам маленького пруда. Его мысли искали там, — сквозь просвет в листве, — крышу хижины, где Сюзанна Гийо жила одна...

Откуда взялось это беспокойство?

Граф любил графиню Маргариту, — свою жену, — любил её исключительно и превыше всего.

Но эта смуглая девушка с чёрными глазами, которую он мельком увидел, взволновала его чувства, — пробудила в нём рой бурных плотских желаний.

Среди адского шума, который производили вокруг него звон сталкивающихся бокалов, громкие голоса и песни, графа преследовало видение Сюзанны Гийо.

Дьявольский и непрерывный мираж представлял её ему уже не в той грубой одежде, которая тщетно пыталась скрыть её могущественную красоту, — не в круглом чепчике из грубого полотна, — не в ситцевом корсаже, — не в поношенной юбке из грубого сукна, — а в том самом виде, в котором её сравнил с богиней любви шевалье де Люси, используя свой цветистый язык.

Для Апеллеса или Клеомена
Она казалась, мрамор из плоти,
Венерой Анадиоменой,
Позирующей обнажённой на берегу моря.
О! какие восхитительные вещи
В её божественной наготе,
Вместе со строфами её поз,
Воспевал этот гимн красоте!
Как волны, целующие песок
Под луной с дрожащими лучами,
Её грация была неиссякаема
В мягких изгибах...

Конечно, видение было соблазнительным, но, — как всем известно, — наступает момент, когда даже удовольствие, слишком затянувшееся, становится мучительным.

Этот момент настал для господина де Везе. Он хотел избавиться от гнёта сладострастной одержимости, которая изводила его. Но напрасно.

Его воображение, сильно возбуждённое, не могло отогнать пьянящий образ смуглой крестьянки, превратившейся в самую сладострастную из всех вакханок.

Три раза подряд господин де Везе наполнял свой бокал и три раза подряд осушал его залпом. Он надеялся опьянением вином прогнать опьянение желаниями. Но только добавил несколько градусов знойного жара к тому жидкому огню, который уже тек по его жилам. Он превратил костёр в печь.

Граф попытался прислушаться к тому, что говорилось вокруг него.

В том нравственном состоянии, в котором он находился, отвлечение, каким бы оно ни было, приобретало неоценимую ценность.

Шевалье де Люси завладел разговором и рассказывал, — довольно забавно, ей-богу, — анекдот из своей молодости.

Теофиль Готьё: Поэма о женщине.

Мы можем здесь лишь в нескольких словах изложить суть этого анекдота.

Что же касается подробностей, то им самое место было бы в «Мемуарах» Жака Казановы де Сенгальта, циничного и знаменитого авантюриста, но наша целомудренность рассказчика обязывает нас воздержаться.

Странное дело! — Это приключение, — одно из многочисленных воспоминаний о галантном прошлом господина де Люси, — имело удивительное сходство с нынешним положением господина де Везе и содержало в себе гибельный урок, которым граф, увы! слишком хорошо должен был воспользоваться!

ХII. Хижина Сюзанны

Господин де Люси рассказывал, как однажды вечером, возвращаясь из поездки в окрестности Тура, он остановился на ночлег в гостинице «Белая лошадь» в маленькой деревушке Берне.

После скромного ужина он прогуливался при лунном свете по узким улочкам деревушки, — наслаждаясь прохладой, или, скорее, ища счастья, — *quaerens leo quem devoret*¹ — как говорит псалмопевец².

Он увидел сидящую на деревянной скамейке у дверей домика, скромный фасад которого украшал красивый виноградный куст, молодую девушку, которая показалась ему самым очаровательным существом на свете.

Встреча с этой девушкой могла стать прологом к приключению, — приключению, которое трудно довести до конца за несколько часов, но оттого ещё более пикантному.

Итак, господин де Люси прекрасно знал две пословицы, — одну французскую и одну латинскую, — обе очень ободряющие:

«Кто не рискует, тот не выигрывает!» — гласила одна.

«Смелость города берёт!» — кричала другая.

Господин де Люси решил рискнуть многим, чтобы получить немного, — и своим дерзновением добиться благосклонности госпожи Фортуны, — странной особы, которая больше всего на свете любит, когда её берут силой.

Он начал с того, что расспросил проходившего мимо молодого крестьянина, купив его признания за мелкую монету.

Он узнал, что девушку зовут Симона. Ей двадцать лет. Что у неё нет известного возлюбленного. И она живёт со своей бабушкой, — старухой, которая почти ничего не видит и совсем глуха. Их дом — это хижина, у дверей которой она сидит. Наконец, что её комната находится на втором этаже, и что эта комната выходит на улицу единственным окном, наполовину скрытым под большими листьями винограда. то же касается бабушки, то паралич левой ноги заставлял её жить на первом этаже и не выходить из него.

Этой информации господину де Люси было достаточно, чтобы составить план атаки.

Он дождался, пока ночь станет тёмной, — пока улицы опустеют, — пока бог Морфей осыплет своими маками всех жителей деревни. Затем, благодаря виноградным лозам, которые любезно предоставили ему ступеньки импровизированной лестницы, он взобрался по стене домика и таким образом достиг уровня окна. Всё благоприятствовало его ночному предприятию.

Было лето, ночь была жаркой.

Неосторожная Симона, ложась спать, оставила окно приоткрытым. Шевалье толкнул это окно, — бесшумно вскочил в комнату и побежал прямо к кровати, расположение которой подсказал ему его нюх опытного соблазнителя.

¹ Лев ищет, кого поглотить (лат.)

² Автор ошибается, цитата из 1Пет.5:8.

Разбуженная неожиданными ласками, Симона сначала испугалась. Она пыталась кричать, — плакала, — умоляла.

Затем крики, слёзы и мольбы как по волшебству прекратились. Симона, полностью побеждённая, приняла своё поражение с удивительным философским спокойствием.

Здесь господин де Люси счёл нужным вдаваться в самые интимные подробности своего счастья в ту давнюю ночь, — счастья, которое показалось ему настолько соблазнительным, что вместо того, чтобы отправиться в путь на следующий день, он провёл в деревне восемь дней.

Этот рассказ, бледный и незначительный под нашим пером, но приукрашенный эмоциональными красками старого повесы, благодаря опьянению гостей имел колоссальный успех.

Аплодировали до изнеможения. Десять раз поднимали тост за здоровье шевалье. Заговорили о том, чтобы увенчать его розами, — как когда-то Анакреона. Что же касается господина де Везе, то пылкие картины, которые только что предстали перед его глазами, действовали, как применение шпанской мушки, на его и без того воспалённое воображение.

Он всем сердцем желал, чтобы его гости уехали, дабы незамедлительно осуществить план, который только что созрел в его голове.

Наконец, его желания исполнились. Охотники один за другим разъехались, — кто в экипаже, — кто верхом. Господин де Везе остался один.

Было несколько минут после полуночи.

Каким был этот план, о котором мы только что вскользь упомянули?

Боже мой, это было просто твёрдое намерение последовать примеру слишком весёлого рассказчика и, — подобно тому, как шевалье неожиданно стал любовником Симоны, — стать, добровольно или силой, обладателем прекрасной Сюзанны Гийо.

Как только граф услышал, как шум колёс последнего экипажа затих вдали, он спустился с крыльца замка и, подставив освежающему дуновению ночного ветерка свою непокрытую и пылающую голову, углубился в чащу парка, стараясь идти по аллее, которая вела его прямо к ближайшим воротам у пруда, возле которого состоялось разделение оленя. Он дошёл до этих ворот. Открыл их отмычкой, которую всегда носил с собой, и направился в лес.

Четверть лье, самое большее, отделяла его от берегов пруда. Это небольшое расстояние было быстро преодолено.

Господин де Везе увидел бледное отражение звёзд в тёмной воде, поверхность которой рябила от лёгкого ветерка. Он узнал берёзу, к которой прислонялась девушка. Сориентировался в темноте и вскоре оказался рядом с той скромной хижинкой, крышу которой ловчий Ла Раме показал ему сквозь просвет в листве.

Граф обошёл этот домик. Это была хижина дровосека, в самом узком и самом жалком смысле этого слова. Построенная из брёвен, уложенных друг на друга, скреплённых прибитыми поперёк и покрытых глиной и дёрном, это бедное жилище имело только первый этаж, состоящий из двух комнат, которые не имели ни деревянного пола, ни даже каменного. Внутри ходили по голой земле.

Под лучами солнца крыша из соломы казалась настоящим садом, настолько она была покрыта множеством выходящих растений.

В ней было только три отверстия. Дверь и два окна, — по одному окну в каждой комнате. Железный прут в форме креста разделял на четыре части эти узкие оконца, которые пропускали только тусклый и ненадёжный свет сквозь свои маленькие зеленоватые стёкла, оправленные в свинец. Дверь из хорошего дубового дерева открывалась снаружи с помощью защёлки и могла быть надёжно заперта изнутри.

Как видите, каким бы жалким ни было это жилище, его нельзя было взять штурмом без того, чтобы не влезть на него, не взломать и не применить силу.

В этом легко убедился господин де Везе, внимательно осмотрев все три отверстия.

Даже возможности разбить стекло, чтобы просунуть руку и открыть окно, не было, потому что железный прут в форме креста был вверху и внизу закреплён в брёвнах.

Однако господин де Везе хотел войти...

Как это сделать?

Он поднял защёлку двери и почувствовал непреодолимое сопротивление. Засов был задвинут изнутри.

Приходилось оставаться снаружи, — если только дверь не откроет сама Сюзанна.

Но откроет ли Сюзанна? Это было, по меньшей мере, неопределённо.

Любой другой, без сомнения, отказался бы перед лицом этих препятствий от совершения акта преступного безумия...

Но двойное и пылкое опьянение, — тем более ужасное для господина де Везе, что оно было для него редкостью, — фатально толкало его к продолжению его проклятого дела.

Он вспомнил пословицу, которую приводил господин де Люси:

«Кто не рискует, тот не выигрывает!..»

Он решил смело поставить всё на карту, — и, с бьющимся сердцем, — с головой, полной странного шума, — он постучал в дверь.

Этот первый стук был таким слабым, что едва раздался в ночной тишине. Сюзанна не услышала его.

Граф подождал примерно полминуты, затем, видя, что никто не отвечает, постучал во второй раз. Этот стук, более энергичный, отозвался эхом в хижине и ещё одним — в лесу.

Внутри дома послышался слабый шум, лёгкое движение. Затем лёгкие шаги приблизились к двери.

Сквозь грубо, но прочно сколоченные доски до господина де Везе донеслось сдержанное дыхание взволнованного человека.

Наконец, голос, который страх делал почти неразличимым, спросил:

— Кто там?..

— Откройте... — пробормотал граф.

— Открыть!.. В такой час!.. — Ещё чего!.. — Уходите и дайте мне поспать...

— Откройте, умоляю вас, мадемуазель Сюзанна... — повторил господин де Везе.

— Да что с вами! Ещё раз, вы так хотите войти, кто вы такой?..

Прежде чем ответить, ночной гость заколебался. Но он быстро понял, что если у него и есть шанс увидеть, как дверь откроется перед ним, то этот шанс — в признании своего настоящего имени. Поэтому он ответил:

— Вы спрашиваете, кто я, мадемуазель Сюзанна... — Я граф де Везе...

— Боже мой! — воскликнула девушка. — Неужели это правда?..

— Даю вам честное слово!

Наступило мгновение молчания. Без сомнения, Сюзанна совещалась сама с собой. Это совещание было коротким. Вот каков был его результат.

— Наш господин, — ответила крестьянка, — эта жалкая лачуга, в которой мы находимся, принадлежит вам, поскольку мой покойный отец, который был у вас на службе, построил её на вашей земле... и из вашего леса... — Я должна вам повиноваться, наш господин, и я лучше буду просить милостыню, чем проявлю к вам неуважение; — но, понимаете, просить меня открыть дверь в такой час, когда я одна, — это больше, чем можно требовать от честной девушки... — Не сердитесь же на меня и не держите зла, наш господин, если я не подчинюсь вам... мне очень жаль... но это невозможно...

Эти такие достойные и благородные слова не заставили графа отказаться от своего подлого замысла. Повязка, которую страсть наложила на его разум, была слишком плотной, и ничто не могло её сдвинуть. Неожиданное сопротивление Сюзанны Гийо привело лишь к тому, что господин де Везе придумал постыдную и бесчестную уловку.

Дворянин не постеснялся солгать бедной девушке, чтобы заманить её в ловушку.

— Значит, — пробормотал он, — значит, мадемуазель Сюзанна, вы оставите меня здесь, у вашей двери, без помощи, до утра?..

— Без помощи? — переспросила крестьянка. — А какая помощь вам нужна, наш господин?..

— Я упал с лошади в ста шагах отсюда, только что, — я подвернул ногу... может быть, сломал... я с трудом добрался до вашей хижины... но дальше идти не могу, и мне ужасно больно...

Доброе сердце и наивность Сюзанны не позволили ей задуматься о крайней неправдоподобности рассказа графа.

— Боже мой!.. — воскликнула бедняжка. — Ах! Боже мой! если бы я знала!..

И, даже не успев надеть юбку, — считая себя, впрочем, защищённой от любопытных взглядов целомудренной темнотой, — Сюзанна отодвинула засов и открыла дверь.

Господин де Везе, чтобы не вызвать преждевременно недоверие девушки, присел на корточки у порога.

— Дайте мне вашу руку, — сказал он, — чтобы помочь мне подняться...

Сюзанна протянула ему обе руки.

Граф, — притворяясь, что может пользоваться только одной ногой, — вошёл, поддерживаемый, или, вернее, поднимаемый Сюзанной. Но едва он переступил порог гостеприимного жилища, как роли переменились.

Господин де Везе закрыл дверь, — быстро задвинул засов, — и заключил в свои объятия ошеломлённую девушку и осыпал её яростными поцелуями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.